

2 р. 50 к.

Вологодское
книжное издательство
1958

371231

80

Когда
не сидишься дома...

Когда
не сидится дома ...

**ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ВОЛОГОДСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1958

Художник О. А. БОРОЗДИН

НА ЛЫЖНЕ

— Внимание... Марш! — чётко командовал Павел Петрович, и Димка Колосов первым вырвался на лыжню.

— Э-эй, догоняй! — крикнул он, когда Валька Скворцов, лучший из лыжников дружины, остался далеко позади, и ещё дальше отстали другие ребята.

— Догоняй! Быстрей! — кричали вслед им десятки звонких голосов.

«Н-ничего. Н-не догонит! — насмешливо подумал Димка. — Хватит гордиться. Чемпион да чемпион! Первое место теперь будет за мной, а значит, и за нашим отрядом». — И начал торопливо подниматься в гору.

Уже на середине её Димка увидел, что и Валька Скворцов набирает скорость.

«Ну, конечно, хочется ему догнать. Как бы не так!» — и он ещё быстрее заработал палками. Стало жарко. Шапка, будто назло, сползла ему на брови. Поправил её, а она опять сползла.

— Вот негодная, — выругался Димка. — И надо же было купить такую!..

Подъём становился всё круче и круче.

— А ну, ещё! Ещё немного, а затем — с горы! — бодрился он, продолжая упорно карабкаться вверх.

— Наконец-то, — облегчённо вздохнул Димка, поправив шапку, и увидел сверху, как широко растянулись по кругу ребята и как снова отстал от него Валька. А внизу, у финиша, махали платками и шапками девчонки и мальчишки, что-то кричали.

— Р-раз, два! — скомандовал Димка. В ушах засвистел ветер, белое поле ринулось ему навстречу, и радостно было, что вот он первым несётся вниз и восторженно глядят на него десятки глаз.

— Молодец, Димка!.. Заходи, быстрее заходи! Во второй круг! — кричали ему сбоку.

«Слы-ышу!» — хотел он было крикнуть, но в горле вдруг захрипело. Не хватало воздуха. А с горы уже мчался Валька и теперь ему кричали. С трудом занял Димка лыжню и двинулся во второй, последний круг. То и дело озираясь, он видел, как Валька Скворцов спокойным, размеренным шагом нагоняет его. Он всё ближе и ближе, а у Димки устали ноги, палки в руках будто чужие...

— Давай лыжню! — услышал он чуть насмешливый голос Вальки и снова прибавил шагу. А Валька неотступно следовал за ним и настойчиво требовал лыжню.

«Нет, брат, шалишь! — решил Димка. — Нашел дурака!» — и, будто не слыша, продолжал плестись по лыжне.

— Эх, ты! — крикнул Валька и пошёл в обход, но лыжи глубоко провалились в снег, и Димка снова ушёл вперед. Воздух со свистом вырывался из горла, во рту стало неприятно сухо.

«А ну, ещё немного — и конец. Первое место за мной. Ещё, ещё!»

— Да ты оглох, что ли? — возмутился Валька. — Лыжню! Давай лыжню!

Не слушая его, обливаясь потом, дотягивал Димка последние шаги в гору. И вновь засвистел ветер, навстречу понеслось поле. И опять кричали внизу ребята. А следом за ним на полной скорости мчался Валька.

Вот, наконец, и финиш, и Павел Петрович с секундомером в руке. Димка первым пересекает заветную черту! Ещё секунда — и он горделиво поворачивается к ребятам.

Но что это? Никто не спешит к нему, не поздравляют его, а к Вальке бросились все. Даже сам Павел Петрович жмёт Вальке руку! Димка замер на месте, словно не знал, как ему быть.

— Эй, ты!.. чемпион! — крикнула Вера Синицына и показала ему язык.

«Эх, кабы ты была не девчонкой, получила бы от меня по заслугам», — хотел было крикнуть ей Димка, но его потребовал к себе Павел Петрович.

— К дальнейшим соревнованиям, Колосов, тебя не допущу. Вести себя не умеешь, заботишься только о себе, да и натренирован ты слабо.

Растерянно озирался Димка, словно ища поддержки у ребят, но все, даже одноклассники, хмуρο глядели на него.

— Ничего, Димка, не падай духом, — подошел к нему Валька. — Хоть и помешал ты мне и сердиться бы надо на тебя, да уж что тут... Давай вместе тренироваться. Ладно?

«Насмехается?» — подумал Димка и взглянул исподлобья на приятеля, но увидел, что Валька не шутит.

— Хорошо, — сказал он и протянул Вальке руку.

ПЛОТОГОН

Ему пятнадцать лет под осень
Исполнится всего, а он
В отцовском пиджаке, курносый —
Уже заправский плотогон.
На брёвнах дёрн уложен клумбой
У ног его для огонька.
И босоному Колумбу —
Как океан Шексна-река.
Плывет он, земли открывая,
С багром тяжёлым на плоту.
Костёр горит и осыпает
Сухие искры в темноту.
Перекликаются с буксиром
Далёким эхом берега,
И Млечный путь блестит над миром,
Как неизвестная река.
Вот будет осенью рассказов,
Когда он станет вспоминать,
Что видел, где друзьям ни разу
Не приходилось побывать!
Жизнь перед ним — рекой широкой,
Как в реку, он в неё влюблен.
Минуют пристанями сроки,
И капитаном станет он.
А волны плещутся о брёвна, —
Ведь путь до Рыбинска далёк.
Горит на клумбе яркий, ровный
Костра дремучего цветок...

ТЫКВА

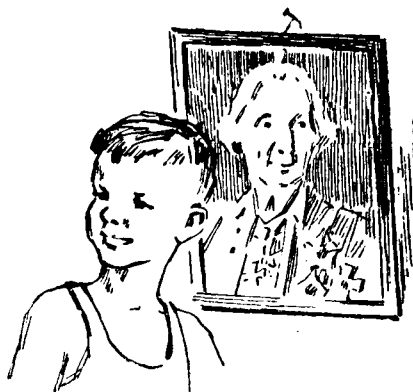
В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень,
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой
И, кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнёт.

В. ЦИМЛЯКОВ

„ОБЩЕСТВО СМЕЛЫХ“

Генька Суворов очень гордился своей фамилией и любил, когда его называли именно по фамилии. Ещё бы! Ведь он же однофамилец великому полководцу. А именем его названы даже военные училища. И учатся в них такие же, как он, Генька, ребята. И сам он тоже не раз подумывал стать суворовцем. Заводил даже с бабушкой разговор, только она была очень глуха и не могла понять, о чём ведёт Генька речь. Мать же прикрикнула на него, а отец усмехнулся и сказал, что суворовец из такого не выйдет.

«Погодите же! — подумал Генька. — Я докажу вам! Докажу, что получится!» И всё, что рассказывалось о Суворове в книжках из школьной библиотеки, он прочитал. Ещё зимой начал готовиться к походу и тренироваться.

То пытался голодать по целому дню, то оставлял ночью постель и старался уснуть на голом полу. Одолевал самые большие трамплины, с которых не отваживались прыгать ребята, и решил, наконец, что теперь ему всё нипочём. Старательно учился по математике, истории и географии, но по русскому приносил нередко и двойки. Кое-как догонял одноклассников, потому что бранилась мамка, хмурился отец, да и в отряде не раз срамили. С нетерпением ждал конца учебного года.

И вот однажды в воскресенье, уже в начале июня, собрал Генька лучших своих дружков — Толю Харитонову, Игоря Первухина, Юрку Глебова и Лёшу Топунова.

— Давайте, ребята, в Суворова играть, — предложил он.

— Давайте, — согласился Игорь. — А как?

— Эх ты, не знаешь, как... А по горам Суворов лазал? Лазал! Прыгать умел? Умел! Плавать тоже? Тоже! В походы ходил? Да ещё в какие! По снегам, по горам, в лесу не блудился. Спал на земле, прямо у костра. Вот как!

— И мы такими же будем? — спросил Лёшка. — А меня... меня мамка не пустит.

— Мамка? Ну и уходи к своей мамке! И без тебя обойдёмся. Суворов — он ничего не боялся, ничегошеньки!

— И мамки тоже? — удивился Лёшка.

Хотя не знал Генька, боялся ли мамки Суворов, но твёрдо решил:

— Суворов ничего не боялся! И я предлагаю заключить, ну, как это называется... заключить общество. И называть его предлагаю: «Общество не трусов».

— Лучше уж общество смелых, — возразил Толя.

— А я думаю, просто — суворовцы, — сказал Юрка.

— Согласен. Пусть будет: «Общество смелых суворовцев не трусов»! Кто за?.. Поднимите руки. Раз, два, три... А ты что? Не желаешь? — спросил он Лёшку.

Тот насупился и опустил глаза.

— Так, значит, не желаешь? Да? Тогда шагай отсюда!

— Да я бы... да мамка-то как?

— А давайте, ребята, примем его не в члены, раз он мамки боится, а просто так, в дочлены, — предложил Игорь.

— Не возражаю. Кто за?.. Все? Хорошо! Только об обществе никому ни слова. Согласны? Против никого нет? Ясно!

— Ге-енька-а! Генашка-а! — донёлся издали чей-то крик.

— Тебя, слышь, кричат, — сказал Лёшка, очень довольный, что приняли и его.

— Слышу, — важно ответил Генька. — Это Маруська ищет. Наверное, что-то случилось.

— Э-эй! Я где-есь! — отозвался он.

— Тебя домо-ой зову-ут!

— Заче-ем?

— На-адо! Веле-ели!

— Иду-у!

И дав слово, что ровно через час они снова соберутся здесь, ребята взапуски понеслись к селу.

Дома Геньку ожидала большая неприятность. Едва он перешагнул через порог, как мать схватила его за ухо, больно дернула и потащила в угловую комнату, где он обычно и занимался, и спал.

Было и больно, и обидно, тем более, что Генька вовсе не знал, в чём же он провинился. Хотел было по обыкновению зареветь громко, басом, что получалось у него претлично, да вспомнил, что и не такое случалось терпеть Суворову, а мать втокнула его в комнату, замкнула за ним дверь и крикнула:

— Посиди, паршивец! Не станешь хлеб да сахар прятать по чердакам! А зареви, попробуй — крапивой высеку! Три дня на место не сядешь!

Но Генька молчал. И мать, успокоившись, отошла от двери.

«Вот так здорово! — раздумывал он, потирая болевшее ухо. — Весь запас нашла. По кусочку сахару откладывал. Себе отказывал. Копил. По несколько сухарей складывал в мешочек и прятал его на чердаке. Готовился

в первый суворовский поход. И ребят нашёл. Все согласились, а теперь вот всё пошло насмарку! Хорошо ещё, что деньги были припрятаны в другом месте. С зимы собирал. Булочки ни одной за всё полугодие не съел, хоть и заманчиво было. Целых шестьдесят рублей и сорок копеек припрятаны надёжно...»

«Ну и пусть! — решил он. — Всё равно докажу им! Эх, а здорово она меня... за ухо-то...»

И странно: почему-то и обидно, и не обидно на мамку.

— На то она и есть, чтобы потасовку давать! — сказал он вслух. — Но как же теперь? Ведь ребята-то станут ждать.

Дверь в комнату закрыта. Это он хорошо знал. Мать ушла, и можно бы вылезть через окно, но получишь за это, конечно, новую взбучку.

— Э, тут нужна хитрость! Военная хитрость! Так-тиче-ска-я, — вспомнил он слово из книги о Суворове. — Так-тиче-ска-я, — повторил ещё раз. — Это, значит, чтобы ты знал, а другие не знали. Чтобы вроде секрета было.

Генька внимательно посмотрел в окно. Увидел, что во дворе никого нет. Лишь ворона сидит на заборе. Сидит и косится на него. «Известно, мол, мне, вороне серой, какое такое твоё намерение, да дело не моё. Сказала бы, что неладное ты надумал, да не скажу. Сам про то должен знать. Взмахну вот крылом — только меня, ворону, и види!» — и полетела прочь.

— А ну, за дело! — решительно сказал Генька и подошел к кровати. Сдернул одеяло, уложил подушку, будто спать собирался, снял с гвоздя пальто, свернул его и накрыл одеялом. Отошёл в сторону — и остался доволен. Откроет мамка дверь, заглянет к комнату и увидит, что Генька спит. А он вернётся и всамделе под одеяло нырнет. Еще раз взглянул в окно, не грозит ли откуда опасность, растворил его осторожно и вскоре уже был так далеко, что ни мамка, ни сестрёнка догнать уже не смогли бы.

На берегу речки, у старой мельницы, от которой остались полусгнившие столбы, ещё никого не было. Генька растянулся на траве и облегченно вздохнул.

— Вот так ловко получилось! Так-ти-ка! — подумал он и повернулся на бок.

Из-под старой сгнившей щепы выполз жук, пошевелил усами, почесал их передними лапками и насторожился. «Откуда, мол, такой сосед объявился», — подумал, наверное, он да и юркнул в траву.

— Ишь ты! Чернущий какой! — рассмеялся Генька. Вспомнил, что и он сам тоже чернущий-пречернущий. «И в кого такой уродился!» — говаривала не раз мать.

В омуте всплеснула рыба, и светлые круги разошлись к берегам.

— Ух, какая большущая! Зря удочки нет. На вечеру завсегда хороший клёв, — пожалел Генька и услышал голоса приближавшихся друзей.

— А я уж давным-давно жду, — сказал он значительно. — А Лёшки-то всё-таки нет?

— Мамка не пустила, — объяснил Игорь.

— Ну, знаешь. Меня тоже мамка не пускала. И комнату закрыла на ключ. А вот всё-таки я здесь. Так-ти-ка! — и выразительно посмотрел на ребят. Но они так и не поняли Геньку. Решили, что мамку он просто-напросто обманул да и хвастает этим.

— Садитесь, что ли. Обсуждать будем.

— Ну-у! — недовольно протянул Игорь. — Обсуждать! Как на собрании.

— А ты не нукай! — возмутился Толя. — Раз общество, значит, и правила нам придумать надо.

— Перво-наперво я предлагаю — не трусить! Вот давайте в омут с обрыва прыгать, — вскочил Толя, и в его чуть раскосых карих глазах запрыгали шаловливые искорки. — Ну, пошли! — крикнул он, и вся компания устремилась к обрыву. Холодок пробежал по Генькиной спине, когда увидел он тёмную, тихую воду. Здесь обычно никто не купался. А Толя проворно сбросил одежду, остановился у края обрыва, затем, ловко изогнувшись, кинулся в омут.

— Ух, как он! — восхищённо сказал Юрка. — Красиво-то как!

Мягкая теплая вода обняла тело и вдруг быстро-быстро закружила и понесла в глубину. Чувствуя, что дело неладно, Толя с силой рванулся в сторону.

— Ребята! А ведь он утоп. Честное пионерское, — полущёпотом произнёс Юрка, и в его больших серых глазах вспыхнул испуг.

— Брось дурить! Просто-напросто занырнул глубоко, вот и всё, — ответил неуверенно Генька. А вот я сам! — и он с разбегу бултыхнулся в воду. Отдуваясь, поплыл к мелкому месту и крикнул, что вовсе и не страшно и что смело могут прыгать и Игорь с Юркой.

— А Толи-то ведь нету! — откликнулись ему ребята с берега.

— Как нету? — изумился Генька и поспешно выскочил из воды.

Ровная гладь реки была спокойна.

Ребята молчали. И вдруг не сдержался, громко заплакал Игорь.

— Не реветь! — приказал Генька. — Второе правило — не реветь!

Игорь замолк, но по его веснушчатому лицу ещё капались слезинки.

— А ну, осматривать реку! Живо! — скомандовал Генька. — Может спрятался он где-нибудь, притаился у берега, поугаать хочет...

Но Толи не было нигде.

— И верно, значит, утоп, — не на шутку испугался и Генька. — Не оставлять в беде — вот наше третье правило! — И бросился в омут.

Едва сомкнулась над ним вода, как невидимая сила повлекла его вниз, будто обрадовалась, что попался-таки ей Генька.

«Тону», — промелькнуло у него в голове и стало страшно, и жаль друга Толю, и себя, и мамку, и всех ребят, а злая сила тянула всё глубже и глубже. Вдруг ноги нащупали что-то твердое, и Генька оттолкнулся.

«Спасен!» — подумал он радостно, когда тело его стремительно пошло вверх.

— Ух! — облегчённо вздохнул он и открыл глаза...

А с берега расширенными от страха глазами смотрели ребята на омут. Он хранил мрачное спокойствие.

— Гляди... Да тут вертун, — указал пальцем Юрка. — Закружило их там, не вынырнуть. Я знаю. Сам папка об этом рассказывал. Вот что. Беги в село. Зови на помощь, а я здесь постою, покараулю...

И когда Юрка остался один-на-один с молчаливым омутом, стало вдруг страшно.

Он медленно приблизился к самому краю обрыва. Стояла вечерняя тишина. Лишь где-то в соседнем лесу усиленно долбил дерево дятел. Вспомнил Юра про яблоны, что вместе с Генькой и Толей садили они у школы, про мяч на футбольном поле, вспомнил, как весело было им всем. А теперь?

Машинально сорвал и бросил в воду травинку. Вот она медленно закружилась, исчезла и

так же медленно поднялась вверх, но уже в другом месте, совсем близко от берега. Бросил вторую — и вновь она выплыла там же. Тогда он принялся рвать и бросать траву горстями, и вся она маленьким зеленым островком скопилась у берега.

«Значит, они здесь, в этом месте!» — решил он. Какой-то странный звук достиг вдруг его слуха, и Юрка насторожился. Показалось, будто стонал кто-то под землей.

— О-ой! — крикнул он, и помчался от берега, а навстречу ему уже бежали люди.

— Николай Степанович! — захлебываясь, говорил Юрка. — Вот здесь, в этом месте они! Я слышал.

— А ну-ка, веревку, — приказал Николай Степанович. Раздевшись до трусов, он обвязался верёвкой, передал конец её кузнецу Николаю и сказал: — Если дерну дважды — тяни обратно.

Николай Степанович смело нырнул в омут, верёвка пошла вниз, а потом вдруг ослабла, приблизилась к берегу и туго натянулась; хотя не было условных сигналов, Николай дернул верёвку и с силой потянул к себе. Голова Николая Степановича показалась над водой.

— Никого не нашёл, — сказал он уже на берегу. — А под берег огромный подмой, пожалуй, есть даже пещера. Туда, может быть, затянуло их.

Будто ему в ответ, из-под земли опять слышались странные звуки.

— Ну, я снова! Только без сигнала не тянуть, а верёвку бери за самый конец. Понял? — повторил он. И в тот миг, когда Николай Степанович вновь скрылся под водой, мягко покачиваясь на рессорах, подошла машина скорой помощи. Люди в белых халатах торопливо готовили носилки, а к берегу спешил врач.

— Тяни! Тяни! — крикнули на берегу, и несколько человек принялось помогать Николаю.

Бурно вспенилась вода, и к общей радости показались над ней сразу три головы.

— Генька! Толя! — дружно закричали ребята и запрыгали по берегу.

Николай Степанович молча сбросил верёвку и пошёл к воде, потому что и в волосах, и на спине его осталась несмытая грязь.

— Да они молодцы! — удивился врач. — Однако... в больнице побыть придется.

И Толя, и Генька молча подчинились: их уложили на носилки. Машина помчалась.

— А страшно ведь, Генька! — только на следующий день сказал приятелю Толя. — Я думал — всё. Не знаю, куда и попал... А тут вдруг и ты ко мне нырнул. Да-а.

— А отчего там, под берегом, пещера такая? И, помнишь, вода откуда-то ручьём течёт, невкусная такая.

— Помню. А темно-то как!

— Темнотища полная. Как вынырнул я, так сразу и испугался. Ослеп, думаю. Ведь ничегошеньки не видно. Вдруг слышу ещё кто-то есть. Страшно стало. А оказалось — это ты.

— Тс-с... доктор идёт. Ложись! — И ребята дружно нырнули под одеяла.

Через три дня они вернулись из больницы. Виногато чувствовал себя Генька. Достанется же ему от матери и за обман с одеялом, и за многое другое. Это в больнице она только ничего не сказала ему, а дома... дома другое дело. Но мать не только не побранила его, а даже самовар поставила и самым сладким чаем напоила. И было от этого неловко, потому и решил Генька сам извиниться перед матерью. А извинился, так сразу же полегчало.

ПОЛДЕНЬ

Жара. Сенокосилок стук.
Ни тучки над равниной.
Лишь холодком повеет вдруг
От каменной плотины.

Колхозный запыленный
«Зис»

Забрёл в реку от зноя.
И ребятишки в тучах брызг
Его, как лошадь, моют.

ЛОДКИ СМОЛЯТ

Ручьи по размытым дорогам бегут.
Снега оседают в полях.
А около пристани, на берегу,
Ребята баркасы смолят.

Хоть нет у ребят бескозырок лихих
И нету матросских ремней,
Но тянет в далёкое плаванье их,
В неведомый рейс по весне.

Закапаны доски кипящей смолой.
Всё ярче пылает костёр.
О славном Кронштадте,
О службе морской
Идёт у ребят разговор.

Им ветры бы всех океанов встречать,
На самом большом корабле...
А матери будут весь вечер ворчать,
Что снова рубахи в смоле.

Д. МАЗРУХО

„ПОСЛЕДУШКА“

Солнышко давно проснулось и стоит высоко в небе. Ночью прошел дождь, и воздух чистый-чистый. Тёплый ветерок играет в траве, в листве деревьев, нежно покачивает разноцветные головки полевых цветов, потом влетает в Лёшкину комнату.

Лёша натягивает на себя одеяло и крепче зажмуривает глаза. В доме тихо. Все ушли косить рожь. Но его дружок — пёсик Верный — дома. Он подбегает к кровати, становится на задние лапы, а передними тербит мальчика за рубашку. Лёша чуть-чуть приоткрывает глаза и хитро смотрит в щёлочку. Потом сердито отталкивает щенка: «Бессовестный, грязными лапами полез на подушку». Верный сердито рычит и стаскивает Лёшино одеяло на пол. Но Лёша уже привык к таким повадкам собаки и продолжает спокойно лежать: одеяло на полу, простыня сбилась в угол кровати, словно он дрался с нею ночью.

Наверное, ещё долго пролежал бы так Лёша в постели, если б вдруг не услышал дальний рокот мотора. И тут он вспомнил, что все ребята пошли сегодня на помощь колхозу — собирать колоски. Он быстро вскакивает с кровати, спешит съесть завтрак, который ему оставила мама. Но песик хватает мальчика за трусы, тащит к умывальнику. Лёша с досадой ворчит: «И кто только выдумал это мытье?». Он брызжет себе на нос, на щеки водой (так он привык умываться), потом садится завтракать. Щенок вертится около его ног и просительно смотрит. Лёша понимает, в чём тут дело, и даёт ему хлеба с молоком. Песик весело машет хвостиком и слегка рычит, как бы говоря: «Добрый ты, только плохо, что в поле опоздал».

Лёша спешит из дому.

Вприпрыжку, вздымая пыль, мчится он туда, где сейчас все ребята. Щенок едва за ним поспекает. Вот и рожь — желтая, совсем спелая, а поле широкое-широкое! Большая машина медленно ползёт полосой. Но делает всё удивительно быстро. Это — комбайн. Лёша восхищен. А песик даже высунул язык.

Комбайном правит Лёшин папа. Стоя под большим зонтом (чтобы не пекло солнце), он усердно крутит рулевое колесо. Ой, как хочется Лёше на комбайн! Прыгнул бы к папе, да страшно.

В поле повсюду ребята. У каждого своя полоска. Идут, собирают колоски: кто быстрее?

Ни один колосок не должен пропасть.

Лёша подходит к ребятам и говорит:

— Если бы меня разбудили, я не проспал бы. Всё равно раньше всех соберу.

Посмеялись ребята над Лёшей, но полоску ему всё же отвели. И Лёша решил работать изо всех сил. Набрал он колосков в одну руку, набрал в другую, складывать больше некуда. Не долго думая, стал засовывать колосья за рубашку. Мешок получился неплохой, только колосья, словно щётка, покалывают и щекочут. Но Лёша терпит: ведь все равно больше некуда их складывать. Рубашка раздулась от колосков, мальчик еле поворачивается. Чтобы поднять

колосок, он становится то на корточки, то на колени. А ребята уже заканчивают работу: они насобирали несколько мешков колосков. Лёша же не дошёл и до половины полоски. Он вытянул из штанишек рубашку и вытряхнул колоски на землю. Пёсик сердито залаял. Стыдно щенку за своего хозяина: опять он последний, опять его попрекают. Лёша обиженно надул губы:

— Я не виноват, что колоски кусаются. В другой раз буду первым.

Но ребята, конечно, не поверили Леше. В деревню они возвращались с песнями. Пришли и решили играть в разведчиков. Лёша взял щенка на руки и сказал:

— Я буду разведчиком, у меня даже собака есть.

Верный громко залаял, словно понимая, о чём говорит его хозяин. Все согласились: пусть и Лёша будет разведчиком.

Пока искали спрятавшегося «шпиона», Лёша куда-то исчез.

Все собрались во дворе, а его не было. Куда же он пропал?

Ждали долго, но напрасно. Тогда ребята принялись искать Лёшу, ведь не шутка — исчез разведчик!

Искали, искали, но найти не могли. Вдруг они увидели щенка. Он бросился бежать, ребята за ним. За домами стоял стог соломы. Туда ребят и привел Верный.

Возле стога лежал знаменитый разведчик, и, подложив руку под щёчку, сладко спал.

Ребята зашумели, засмеялись. Лёша проснулся, протёр глаза и сел. Его светлые волосы растрепались, а к носу приклеилась соломинка.

Чтоб не идти домой пешком,
Повиснет на подножке.
Через забор залезет в сквер...
Но если он заметит,
Что рядом ми-ли-ци-о-нер —
Помчится, словно ветер!
Как помнить стал себя,

с тех пор

Фома наш то и делал,
Что, провинясь, во весь опор
От постового бегал.
— На что милиция нужна? —
Он в спор вступал со мною. —
Ребят пугать?!.
...Но вот она,
История с Фомою.

II

Сидят давно ученики
За партами читая.
А наш Фома, надев коньки,
То поперёк, то вдоль реки
Один
По льду летает.
И словно ропщет тонкий лёд
На шалуна-мальчонку.
Пред ним он горкою встаёт,
Потрескивая звонко.
А вдалеке, над быстриной,
Гудит, стреляя грозно:
«Уйди, Фома, скорей домой,
Уйди, пока не поздно!»
Но он не слышит на беду,
Кружится, где попало...
И вдруг... и вдруг на тонком льду
Фомы, друзья, не стало.
С берёзы, как ворчун-старик,

Прокаркал ворон громко:
«Знать, пр-ровалился озорник
Под лёд... Пр-ротивный Фомка!»
Но ворон смолк —

и тишину
Прорезал крик: — Тону! Тону!..
Сбежался к берегу народ:
Иные прямо с ходу
Отважно бросились на лёд,
Но провалились в воду.
Не держит лёд. Вода кругом...
И в этот миг суровый
Фома на берегу другом
Увидел постового.
Вооружась шестом большим,
Он прыгнул в лодку смело
И начал лёд ломать, крошить!..
Он знал, что надобно спешить, —
И действовал умело.
— Спасите, дяденька! Тону!.. —
Казалось, в самом деле
Вот-вот пойдёт Фома ко дну...
Но человек в шинели
Ему:

— Держитесь, гражданин! —
Приказывает строго
И пробивает среди льдин
Шестом к нему дорогу.
— За лёд цепляйся!.. Молодец! —
Фома в ответ — ни звука.
Фома измучился вконец...
Едва положит руку
На лёд — а лёд из-под руки...
Пролом все шире, шире!
И тянут вниз Фому коньки
Тяжёлые, как гири.
Уже суставы рук ему
Сковала злая стужа...

Но постовой через корму
Поймал за шиворот Фому
И вытащил наружу.
Весь посиневший,

в лодку он

Едва перевалился,
Успев подумать лишь: «Спасен» —
И тут же чувств лишился.
А лодка к берегу пошла,
Вбирая воду в щели...
Тепла Фоме!
Скорей тепла!..
И человек в шинели,
На берег выбравшись с трудом
(Всё ж затонула лодка!),
Отнес Фому в ближайший дом...
— А что же было с ним потом?
— А дальше было вот как...

III

Через час очнулся Фома.
Было в комнате тихо-тихо...
У стола — в халате — «врачиха»,
Рядом с нею мама сама.
Неужели это не сон?
Он лежит, с головой укутан,
На высокую печку чью-то
Неизвестно как вознесен.
Сверху мягкая греет шуба,
Снизу печь припекает — любо!..
На веревке — его штаны.
Остальное всё — незнакомо...
Он лежит, погружён, как дома,
В мир уюта и тишины.
Люди добрые,
как о сыне,
Позаботились здесь о нём...

Только кто там в шинели синей,
Подпоясан туго ремнём,
Поднимается на крылечко?!
Вздрогнул мальчик...

На этот раз
Захотелось Фоме сквозь печку
Провалиться: «Войдет сейчас!» —
Он подумал. И, верно, скоро
Постовой на порог шагнул:
— Где он тут гражданин, который
Нынче утром в реке тонул?!
Как здоровье-то? —
— Ничего... —

Мать ответила. А мальчонка
Из-под шубы глядел волчонком
На спасителя своего.

Испугался он, скажем прямо:
Вдруг да гость-то за ним?! А тот
Сел на лавку, утешил маму:

— Сто годов Фома проживет! —
Он сказал ей, на печку глядя.

— Мы друзья с ним теперь — навек! —
... Понял мальчик, что этот дядя
Добрый всё-таки человек.

И что нет никакой причины
Труситься, честно-то говоря.

И понятно, что под овчиной
Он скрывается явно зря...

Утро встало перед глазами —
Закружилась голова.

И рванулись из сердца сами
Непридуманные слова:

— Я согласен быть вашим другом!..
Я здоров... и мне хорошо!.. —

Мальчик шубу отбросил в угол,
Глянул с печки, —

а гость ушёл...

Ник. ЗАДУМКИН

ВЕСНОЙ

1

От нашего дома к кузнице пролегает глубокая придорожная канава. Один край её первым оголился от снега. Посмотрел я утром — вокруг бело, а бугор вытаял. Не знал я, отчего это произошло. Подумал было, не ветер ли сдул с него снег, но вспомнил, что за последние пять дней вовсе не было ветра, и пошёл в школу. Зато после уроков сразу прибежал на бугор. Приятно первый раз после зимы побегать. Земля так чудесно пахнет! Скорей бы дожить до того дня, когда мать не станет на тебя замахиваться за то, что босиком ходишь.

Но пока кругом был снег. Приходилось довольствоваться бугром. Скоро прибежал мой дружок Мишка. Он был старше меня на год: я учился в третьем классе, а он — в четвертом. Бегали, играли мы долго. Потом у нас покраснели ноги, и мы сели на прошлогоднюю траву. Обувались, слушая, как в кузнице били по железной наковальне два молота — большой и малый. Большой молот ухал и

гулко возвещал: «Весна! Весна!», а второй, малый, радостно откликался: «Знаю сам! Знаю сам!».

Радовались и мы с Мишкой наступлению долгожданной весны.

— А не знаешь ли, Валька, дадут нашей бригаде новую автомашину? — вдруг спросил Мишка.

Знаю я Мишкину политику. Шофер дядя Виктор давно обещал покатать его на новой машине. Я хоть и слышал от матери, что к посевной пригонят ещё один «газик», но молчу. Скажу «дадут», и Мишка начнёт бахвалиться. Меня-то дядя Виктор не обещал покатать: я с ним мало знаком.

— Не знаю, как насчёт машины, а вот трепку сегодня нам дадут, — говорю я, так как на высоком крыльце соседнего дома вижу Зозулиху, высокую одноглазую старуху, тощую, как баба-яга.

— Ах вы, стервецы, в могилу захотели? — раздался её пронзительный голос. — Вот я скажу матерям!.. Пошли домой!

Мы знали, что Зозулиха не любит слов на ветер бросать. Уж лучше бы она бросала свои слова куда угодно, только бы не ябедничала.

Вредная была Зозулиха. Один только дед Афоня знал, сколько ей лет: «Когда был ещё я такой, — показывал он ладошкой чуть повыше стола, — Анна Зозулична уже в девках гуляла». Больше дед ничего не добавлял. Вот и гадали, сколько лет Зозулихе, если Афоне шел шестьдесят второй... Ну, да это неважно.

Зозулиха последние зимы не работала в колхозе. Её почти никто в это время не видел на улице; говорили, что плетёт кружева. Зато, как наступит весна, первая просится на огород. Нам от неё частенько попадало. Залезешь на крышу — увидит, пойдёшь к лошадям — прогонит, начнёшь рано купаться — наябедничает матери. Однажды мы с Мишкой забрались в чужой огород поглядеть, как яблоки растут, а Зозулиха нас обвинила в краже. Какая же тут кража, если мы только посмотреть пришли. Но она и слушать ничего не хотела. Ох, и жгучая крапива росла в

этом огороде!.. Когда фельдшер Пров Иванович смазал нам кожу рыбьим жиром, то сказал: «Славно она вас выдубила». И такой вредной старухе доверяют выращивать овощи!

Доставалось от Зозулихи не только нам. Она никого не щадила. Вот и сейчас: едва мы успели юркнуть в калитку дома, как набросилась она на Тихона Петровича Помозова, председателя колхоза.

— А-а, пожаловал? — неласково встретила она Тихона Петровича. — Ну-ка, остановись...

— Здравствуй, Анна Зозулична, — сказал председатель. — В бригаду опять?

— Чего же в вашей бригаде-то делать? Перетягивать солнце с одного края неба на другой? Рамы у парников без стёкол, навозу подвезли мало... Эх вы, совести у вас нет...

«Совесть» — любимое слово Зозулихи. Затем она кричала о каких-то горшочках, о том, что с осени мост через Дунайку не исправили, и потому нельзя будет в разлив реки попасть на соседнее поле. «Вот вредная старушенция», — произнес председатель. Это он сказал тихо, но мы слышали, хотя и знали, что подслушивать не хорошо.

2

Второй день мы с Мишкой не отходим от кузницы. Много там бывает народу. Кузнец дядя Платон, не в пример другим взрослым, нас, маленьких, не прогоняет.

— А ну, цыплята, подбросьте-ка вон ту подковку, — иногда говорит он.

Мы охотно делаем всё. Выкует Платон какую-нибудь железку и швырнет её в угол — там целая куча железа накопилась.

Удивились мы, как это у него ничего не теряется. В прошлом году я закинул свои коньки на чердак, а потом искал их целые две недели.

Часто сюда заходит бригадир дядя Петя, или Пётр Васильевич, как все его называют.

— Как дела у тебя, Кузьмич? — гудит он, словно в трубу. — Трудисься?

— Плуги готовы, — отвечает дядя Платон, звякнув очередным зубом для бороны по железной куче в углу. — Бороны заканчиваю. Две осталось. С телегами похуже. Помощник нужен.

— Дадим, — говорит Петр Васильевич, — Изосима Валуева подброшу на подмогу.

— Кого? — дядя Платон перестал бить по наковальне и подошёл к бригадиру. Бородатый, весь в саже, прокопчённый, он похож на столб дыма. — Уволь, Пётр Васильевич, от такого помощника. Пусть лучше идет он на свою горку... благо, она уже вытаяла.

Изосим Валуев у нас известный человек. Его именем даже одно местечко назвали, то, что в поле за овинами. А удостоился этой чести Изосим за свою работу. Пахал он как-то, присел отдохнуть, да и уснул, а на поле пришел Пётр Васильевич, а от Валуева сонного дым валит. Вскочил Изосим — и ну одежду тушить. «Увозился так, что только присел — и разморило, — оправдывался он после. — Спал недолго, раз сигарка не успела еще потухнуть». Какая там сигарка, если обе полы телогрейки сгорели и валенок занялся. С тех пор и назвали место, где он спал, «Валуевой горкой», хотя эта горка чуть побольше кочки.

Во время этого разговора кто-то крикнул у входа:

— Бригадир здесь?

И в кузницу ввалился Изосим Валуев, с заячьей шапкой в руках.

— Лёжок на помине, — откликнулся дядя Платон и сплюнул в кучу углей.

— Ну? — встретил Пётр Васильевич Изосима. Он это спросил так, как будто знал, что Изосим никогда не принесёт ему счастья.

— Ну? — повторил бригадир.

Изосим Валуев два раза хлопнул шапкой по косяку и показал на свои новые валенки с галошами:

— Не пробрались... Воды — жуть!.. Наледь выступи-

ла. Лошадь упирается, не идёт в воду... Бойтся, значит... И вот, приехал без сена...

— Как это без сена? — спросил бригадир.

— Эх, Пётр Васильевич, не надо было на болоте стога метать, — сказал дядя Платон.

— А, может, хватит того, что в сараях, — сказал Изосим. — Смотрите, какая дружная весна... Дед Афоня бает: «Если в Евдокею курица напьется, то в Егория баран наестся...». Дотянем до Егория, а?..

— Хватит, — хлопнул Пётр Васильевич рукавицей по колену. — Пора бы забыть Егориев да Евдокий. На руках сено вынесем!

— Пусть другие идут, а я...

— Пойдешь! — закричал бригадир на Изосима. — Первый пойдешь! Это ты в прошлом году на сенокосе метал стога где попало.

Изосим что-то напоминал о своих новых валенках с галошами, о медали, полученной на фронте, говорил о несправедливости... Пётр Васильевич долго сердился, потом упрекнул Изосима за то, что у него не душа, а обвалившаяся шахта, и долго ещё надо её разрабатывать.

Скучно нам стало слушать ругань. На улице было так хорошо, так пригревало солнце, что хотелось идти далеко-далеко, за Валуеву горку, туда, где вспухает вода голубой Дунайки.

3

Председателя нашего колхоза пропечатали в областной газете. Об этом узнал я от мамы, когда она с работы пришла. И знаете, кто пробрал Тихона Петровича? Зозулиха! Все удивились: многие думали, что она не умеет писать.

— Зозулиха везде успеет. И правильно, — сказала мама. — Вот я тоже поставлю вопрос об удобрениях под кукурузу. Скоро сеять надо, а их у звена нет.

Но мама собирается ставить вопрос не в газете, а на колхозном собрании. И, я знаю, поставит. Ведь она у меня языкастая, каждый это знает.

Я сказал о газете Мишке.

— Подумаешь, — ответил Мишка. — Давно сам знаю.

— Откуда? — удивился я.

— А Тихона Петровича сегодня видел. После критики он завсегда к нам в Дорожайку приезжает. Ух, и кричал же он на Петра Васильевича, — рассказывал Мишка. — А бригадир совсем не виноват. Пётр Васильич два раза ездил в город за рамами для парников, да только их там не дали, сказали, что денег председатель не заплатил. Теперь-то он заплатит, будь спокоен.

В этот вечер я пришел домой позднее, чем приехали с вывозки навоза комсомольцы. Мама опять было на меня замахнулась. Но это ничего: она ещё за всю жизнь меня ни разу не ударила. Говорит — некогда, а вот отец давно бы отстегал. Это она тоже напрасно. Я знаю: отец у меня был добрый. Я часто смотрю на его фотокарточку. Он в погонах, с орденами. Такие с маленькими не дерутся.

Ночью я видел сон: будто кругом растаяло, солнце светит. Тихон Петрович сидит у пустого парника, а рядом с ним Зозулиха пишет статью в газету. Он упрашивает её не писать, подождать до Егория, грозит, что утопится в Дунайке. Но всё обошлось: не утопился, так как настало утро и меня разбудили.

Мы с Мишкой с вечера решили идти после уроков к бригадиру просить работы.

— Не даст, — убеждённо сказал Мишка. — Скажет, маленькие.

— Какие же мы маленькие? — возразил я. — Посмотрел бы ты, как я из печки ведёрный чугунок достаю, когда мамы дома нет. Я — сильный.

— А он видел? — спросил Мишка.

— Что видел?

— А как ты чугунок доставал.

Я пожалел, что бригадир этого не видел.

— Ну, так нечего и соваться, — сказал Мишка, но потом передумал: — А всё же попробуем.

Петра Васильевича мы нашли на конюшне, но спросить постеснялись, так как он разговаривал с дядей Колей.

— Кавалерия, значит, в плуг готова? — спрашивал бригадир.

— Наголо, — ответил дядя Коля. — Только вот овсеца подбросьте, Пётр Васильевич. Потому — перед атакой положено.

Дядя Коля всегда непонятно говорит. Это у него с войны. В деревне рассказывают, что дядя Коля служил в кавалерии и просто помешался на лошадях.

Бригадира мы всё же подкараулили. Пётр Васильевич долго смотрел на нас, а потом рассмеялся:

— Куда я вас пошлю? — говорил он. — Навоз вывезен, семена дочищаем, золу комсомольцы выскребли из всех печей. Разве вот к дяде Платону вместо Изосима Валуева? Хотя — нет: он, говорят, неплохо помогает... Хорошо, даю наряд — идите учить уроки. Живо!

Хотя Пётр Васильевич и хороший человек, но мы на него обиделись. Когда летом идём из лесу с ягодами, всегда угощается. Вот теперь пусть-ка попросит...

В овощехранилище мы пришли к вечеру. Там работала Мишкина мать, и он хотел сообщить, что Хохлатка снесла двухжелточное яйцо, большое, как гусиное. Тут были Зозулиха, Оноприха и ещё несколько старух. Они разбирали картошку, крупную клали в одну сторону, мелкую — в другую, среднюю — в третью.

— Мам, зачем так? — спросил Мишка.

— Это для машины, Миша, — ответила она. — Картофелесажалкой называется. Впервые у нас нынче такая будет.

Потом Мишкина мать попросила помочь, и мы остались. Я быстро научился сортировать, а вот Мишка, прежде чем положить картофелину в нужную кучу, долго взвешивал ее на ладони, будет ли в ней восемьдесят граммов.

4

Сегодня ночью прилетели грачи. Они чинно расхаживают по проталинам, ковыряют оттаявшую землю белыми клювами. Дунайка разлилась вовсю, но лёд ещё не взло-

мало. Да и снегу хватает: у сараев, в кустах, на поле, где осенью не был скошен подсолнечник.

Утром я зашел за Мишкой, и мы пошли в школу. На улице было шумно. Зозулиха пробиравала шофёра дядю Виктора за то, что не почистил кузов машины.

— У носа своего можешь не убирать, а я в такую машину не сяду, — кричала она. — Пусть другие едут и проверяют. Стыда не оберешься от дорофеевских.

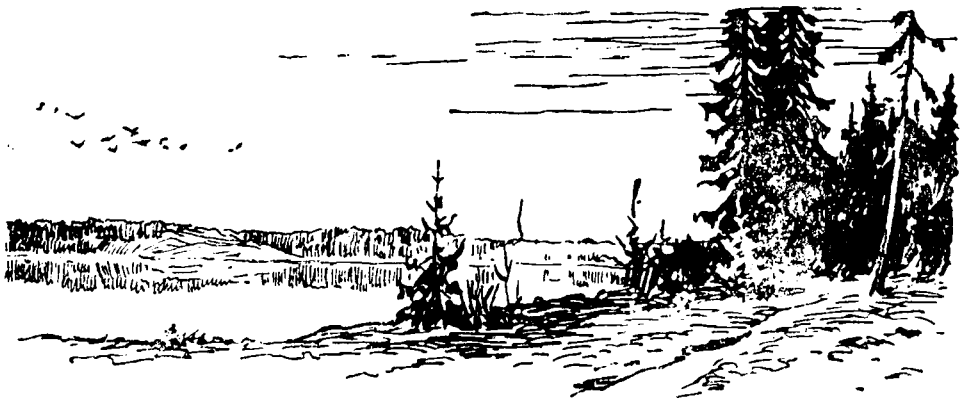
Зозулиху накануне выбрали в делегацию по проверке соседней бригады. Наши должны дорофеевских обследовать, а дорофеевские — нас. Не беспокойтесь, у нас-то всё готово к севу. Пусть приезжают. Если и не готовы две телеги, то их дорофеевские в жизнь не увидят. Изосим их спрятал так, что комар носа не подточит. Только вы не говорите Петру Васильевичу: Изосим это сделал тайно, когда бригадир уехал в правление.

Дядя Виктор ворчал и ругался, пока чистил машину. Наконец все уселись. Мы тоже влезли в кузов, но нас хотели согнать.

— Пусть подъедут, — сказала Зозулиха. — До ручья им по пути.

Нам первый раз в жизни понравилась тогда Зозулиха, и я вечером сказал об этом маме. Она ничего не ответила, но посмотрела на меня так, как смотрит Павел Петрович, когда отлично выполнишь домашнее задание по арифметике.

А. ПЕТУХОВ

НА МАСЛОЗЕРЕ

Сборы

Над Пустырьком в голубой лазури июньского неба сияет жаркое солнце. Тихо колыхается на лугах трава. В скворечниках пищат неугомонные скворчата, и взрослые птицы с утра до вечера таскают им корм. Черёмуха давно отцвела, но ягоды ещё не созрели и висят тяжёлыми зелёными гроздьями. Под крышей щебечут ласточки, со свистом носятся над деревней стрижи.

Мы с Ваней готовимся к предстоящему путешествию на Маслозеро. Прежде всего приводим в порядок свою немудреную рыболовную снасть. С собой мы будем брать по одной удочке и крючилке ¹⁾, а также полтора десятка ночных крючков ²⁾. Лёски уже проверены и уложены в вещевые мешки.

¹⁾ Крючилкой ловят хищных рыб на живца. От удочки отличается большей прочностью и длиной удилица и лёски.

²⁾ Ночные крючки состоят из прочной лёски, длинного проводочного поводка и двухъякорного крючка.

Несмотря на уговоры мамы, из продуктов, кроме хлеба и соли, мы ничего не берем.

— Будем рыбу жарить на огоньке, — говорит Ваня, — лучшая еда в лесу.

Лодки на Маслозере у нас нет, а бродить по берегу — мало интереса. И Ваня предлагает:

— Возьмём лучковку, топор да гвозди и сделаем плот.

Решено! Остаётся ещё накопать червей да сходить на речку и наловить плотичек для ночных крючков, чтобы завтра пораньше отправиться в путь.

В пути

В ивняках Безымянки щёлкают и заливаются трелями соловьи. Над лугами стелется белесый туман. За скотными дворами, далеко-далеко, золотится заря. Полная луна висит над Кольцозером, и серебристая листва черёмух недвижима.

Так свежо, так нежно пахнет цветами и травами! Сверкает роса на широких листьях лопуха, на колючих его цветах, на картофельной ботве и — всюду. Звонко и певуче перекликаются петухи.

Мы выходим за деревню, пересекаем редколесье близ Кольцозера и углубляемся в лес. Из тумана поднимаются чайки и провожают нас, бесшумно кружа над лесом.

Тропа широкая, мы идём рядом. Ваня несёт связанные удочки и крючки, я — топор и пилку. На спинах наших — мешки, на плечах — луки, у пояса болтаются пучки стрел, а в руках — корзинки: у меня — с банкой с червями, у Вани — с плотичками.

Ваня рассказывает о Маслозере, и я, хотя слышу рассказ его по крайней мере третий или четвертый раз, слушаю друга с большим вниманием и интересом.

— Можешь представить, — говорит он, — там такая прозрачная вода, что песчаное дно видно на глубине двух с лишним метров! Смотришь в воду и видишь, как плавают рыбёшки. Неглубоко — мелочь, а у дна — во какие окуни и плотицы.

Лес густой, высокий и стройный. Задумчиво шумят сосны-великаны, подпирая своими кронами голубое небо.

По сухой дуплистой осине барабанит дятел, и этот стук гулко и далеко разносится вокруг. Неумолчно звучит стройный хор разноголосых лесных певцов. Где-то кукует кукушка, трещат кем-то потревоженные дрозды.

Солнца мы не видим, но по освещённым вершинам деревьев знаем, что оно поднялось и на открытых местах уже высушило росу.

Далеко позади осталось Кольцозеро. Скоро должно быть Белозеро, потом Рыбозеро.

— А Дуозеро слева остаётся, — говорит Ваня, — с тропинки его не видно.

Неожиданно лес расступается, и мы выходим на старую, давно заброшенную поляну, поросшую довольно высокими соснами. Ваня останавливается.

— Представь себе, что на этом клочке земли когда-то сеяли хлеб, — говорит он.

— И неправда!

Ваня кладет на землю свою ношу, берёт меня за руку и подводит к краю полянки.

— Смотри!

Покрытая мхом и лишайником, обросшая со всех сторон можжевельником, лежит под деревьями деревянная, наполовину сгнившая борона. Мы долго молча смотрим на неё, потом возвращаемся на тропу и идём дальше.

Впереди меж деревьев блестит Белозеро. Тропинка сбегает вниз, и мы выходим на болото. Под ногами чавкает вода. На берегу озера мы останавливаемся.

Легкий ветер, гуляющий в вышине, не достаёт до поверхности воды, и в ней точно в зеркале, отражаются синева неба, тёмная зелень прибрежных сосен и елей. Я наклоняюсь над водой и тоже вижу своё отражение.

— Утка! — вдруг шепчет Ваня.

У противоположного берега плавает кряковый селезень. Он не обращает на нас внимания и тихо плывет, рассекая грудью сверкающую гладь.

— Красиво, правда?
— Очень! — соглашаюсь я.
— В Белозере вода хорошая, светлая, а вот в Рыбозере — тёмная, как чай.

— Отчего?

— Дедушка Федор говорит, что от рыбы. Пока в Рыбозере не было окуней, вода в нем тоже была светлой.

— Последний километр! — радостно объявляет Ваня, когда мы пересекаем широкую просеку, вырубленную на случай лесного пожара.

Мы прибавляем шагу. Вокруг нас всё те же высокоствольные сосны и ели. Изредка попадаются берёзы. Они тихо лепечут листвою, и нам приятно слышать их мягкий, спокойный шелест.

Чем дальше мы идём, тем чаще попадаются осины и березы. Вскоре тропка выводит нас на широкий луг, залитый солнцем. За лугом — высокая берёзовая роща, за нею — Маслозеро.

— Вот и пришли!

На сухом берегу сбрасываем с плеч мешки и спускаемся к воде.

Какой простор! Сколько здесь свежести и света! Волны плещут у наших ног, встречный ветер треплет нам волосы.

Озеро кажется мне круглым, но, когда я говорю об этом другу, он смеется.

— Мы видим только берега — правый и левый, а то, что кажется тебе западным берегом, — острова. На Маслозере их семь.

На плоту

Прежде всего нам предстояло сделать плот. Справа от березовой рощи в сосновом бору мы нашли два высоких сухих дерева. С большим трудом свалили их, обрубили сучья и распилили каждое дерево на четыре неравные части.

— Длинный плот лучше, — говорит Ваня, — на широком и коротком тяжело плыть.

Стащив брёвна к воде, мы расположили их клином: два самых тонких и длинных — посредине и с каждого боку к ним — еще по три. Крайние бревна мы отодвинули далеко назад, чтобы плот был устойчивей.

Из сырой берёзы выпилили поперечные перекладины, обтесали их с двух сторон и прибили к брёвнам длинными гвоздями.

Плот готов!

Из берёзовых сучьев я нарезаю ножом рогатки для ночных крючков, Ваня рубит длинные гибкие колья. Рогатки мы крепко привязываем куском шпагата к верхним концам колеь, кое-как сталкиваем плот на воду, погружаем на него своё имущество и, взяв крючилки, отталкиваемся от берега.

— Куда сначала? — спрашиваю я.

— Вдоль левого берега, к островам. Папа говорил, что там, в старых хвойниках ¹⁾, рыба всегда хорошо ловится.

Мы поворачиваем на юг.

Под плотом булькает вода. Тихо плещут волны о правое боковое бревно. Мы дружно упираемся крючилками о песчаное дно и медленно подвигаемся вперёд.

Берёзовая роцца остаётся позади. Теперь берег покрыт густым хвойным лесом.

Мы выбираем места, где больше водорослей, и один за другим опускаем ночные крючки. Ваня крепко вбивает колья в дно и привязывает лёски к рогаткам, а я насаживаю живцов на крючки. Затем, слегка расщепив концы рогаток, наматываем на них лёски и зажимаем их в один из расщепов так, чтобы живцы немного не доставали до дна.

До островов далеко, а на пути нашем — маленький хвойничок. Мы подъезжаем к нему.

— Попробуем удить? — спрашивает Ваня.

Я согласно киваю головой и поспешно разматываю лёску. Ваня открывает банку с червями.

Измерив глубину, мы поднимаем поплавки, насажи-

¹⁾ Хвойники — небольшие ёлки, вбитые вершинами в дно озера.

ваем червей на крючки и забрасываем удочки. Ждать клёва не приходится. Не успевает крючок погрузиться в глубину, как пробковый поплавок вздрагивает и встаёт дыбом. Я дёргаю: на крючке трепещет небольшая плотичка. Ваня тоже подсекает, но вытаскивает окуня. Клёв беспрерывный. Мы то и дело вытаскиваем небольших окуней и плотиц. Я несказанно этому рад, но Ваня хмурится.

— Здесь одна мелочь, — говорит он, — надо плыть к островам!..

— Ещё немножечко обожди! — прошу я друга, поспешно снимая рыбёшку с крючка.

Но Ваня отчаливает.

— На обед наловили — и хватит.

Остров

Мы причаливаем к острову и покидаем плот. Шагах в двадцати от воды, между огромными соснами, — шалаш. Сделан он просто: в землю вбиты четыре крепких столба с развилинами, два передних — в человеческий рост, два задних — пониже.

На развалины положены прочные еловые перекладины, на них — тонкие палки. Такие же палки вбиты в землю между столбами, с боков и сзади. Со всех сторон, кроме входа, постройка покрыта широкими и длинными листами еловой коры, которые прижимаются к первому ряду палок вторым рядом. Для большей прочности концы палок связаны попарно кручеными еловыми прутьями. Перед входом — неглубокая круглая яма для костра.

Земля внутри постройки выстлана еловой хвоей, а поверх неё — сеном. Под сеном мы нашли два весла и отнесли их на плот, забрав с него всё, кроме удочек, крючилок и банки с червями. Пилку и вещевые мешки мы повесили на деревянные гвозди, вбитые в передние столбы, топор спрятали под хвою, а луки и стрелы поставили в передние углы: я — в правый, Ваня — в левый.

После этого я принялся чистить рыбу, а Ваня ушёл в лес собирать хворост.

Тихо шумит на острове лес. Я уже вычистил на обед окуней, вымыл их в озере, а друга всё нет и нет.

«Куда он запропастился?» — думаю я с тревогой.

— Лёша-а! Сюда! — вдруг раздаётся вдалеке.

Я вздрагиваю, хватаю лук и стрелы, бегу на зов друга. Ветки больно хлещут меня по лицу, несколько раз я падаю, спотыкаюсь о пни и колоды.

— Лёшка!

— Бегу!

Впереди блестит вода.

— Сюда, сюда иди! — слышится справа.

Я оборачиваюсь. Ваня стоит на берегу, глядя себе под ноги. У самой воды, на плоской площадке, величиной с большую сковородку, лежат два крупных грязно-зелёных яйца с коричневыми крапинками.

— Гнездо?!

— Ну да! Гагарье. Вон они плавают!

Большая красивая птица сидит на воде метрах в пятидесяти от нас, чуть подальше — другая.

Я выхватываю стрелу, но Ваня останавливает меня:

— Летом нельзя бить птиц.

Я нехотя опускаю лук и предлагаю:

— Давай, возьмём из гнезда одно яйцо!

— На что оно нам? Пусть птицы выведут птенцов...

Весело горит костёр перед входом в стан. Обхватив руками колени, я сижу на сене и поглядываю, как Ваня жарит окуней, насаженных на заостренные прутья.

— Готово! — говорит он, вынимая из огня одного окуня.

— Почему ты знаешь? — спрашиваю я.

— Если из глаз вылезут белые горошинки — значит, рыба изжарилась.

— А правду говорят, что от гагары отскакивает дробь?

— Нет, это неверно. Но дробью убить её трудно.

— Почему?

— У неё перья густые. А когда гагара уплывает от охотника и дробь идёт под перо, тогда можно убить.

- А в грудь или в бок стрелять?
- Ничего не выйдет.
- А в голову?
- В голову — другое дело!..
- А если бы гагарье яйцо в инкубатор сдать, вылу-
пился бы гагарёнок?
- Наверно, вылутился бы.
- А если под курицу положить?
- Не знаю.

После обеда

После обеда мы гасим костёр и заготавливаем на ночь дрова.

— С озера вернёмся поздно, — говорит Ваня, — с хворостом возиться будет некогда.

Натаскав кучу сухого валежника и пней, мы отчаливаем от берега и плывём в старые хвойники.

Рыба здесь ловится действительно хорошо. Мелочь попадаетея лишь изредка, и к вечеру корзинки наши наполняются. Мы высыпаяем рыбу на плот и продолжаем удить. На живца тоже берёт неплохо. Ваня уже поймал двух щук и окуня, я — двух больших желтобрюхих окуней.

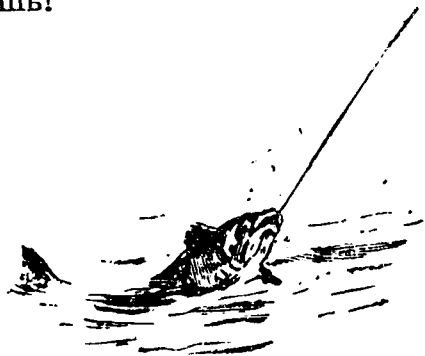
Перед закатом солнца, необычайно довольные прошедшим днем, мы плывём на Луду.

— Там клюёт редко, — говорит Ваня, — но зато такие окунищи — насилу вытянешь!

Дружно работая веслами, мы вскоре подплываем к Луде и причаливаем к длинной палке, крепко вбитой в дно.

— О, да здесь глубоко! — дивлюсь я, меряя удилицем глубину.

Мы поднимаем поплавки почти доверху, насажи-

ваем на крючки червей покрупнее и забрасываем сначала удочки, потом — крючки.

...Солнце скрывается за кромкой леса. Розовеют на небе лёгкие облака. Дальний лес покрывается синеватым сумраком.

— Не клюёт, — вздыхаю я.

Около острова плачут гагары, провожая уходящий день. Над озером серой дымкой стелется

туман. Становится прохладно. Стихает ветер, тают волны.

— Есть! — вдруг говорит Ваня.

Я оборачиваюсь к другу. Поплавок стоит вертикально, потом начинает медленно ползти по воде. Ваня подсекает. Удилище изгибается и дрожит, над поверхностью воды показывается острая спина окуня. Внезапно рыба кидается влево, и натянутая лёса со свистом рассекает воду.

Ещё усилие — и огромный окунь тяжело прыгает на плоту, шлёпая широким хвостом по мокрым брёвнам. Я

боюсь, как бы окунь не выскочил в воду, и падаю на него. Ваня, подсунув под меня руку, вытаскивает рыбу за жабы. Я поднимаюсь и беру в руки свою удочку.

— А где же поплавок?!

— Тащи! — шепчет Ваня.

Снова упорная борьба, и второй такой же окунь ложится на плот. Мы опять закидываем удочки и терпеливо ждём, но — напрасно: рыба не клюёт.

Когда над озером спускается ночь, мы возвращаемся на остров.

Соль и спички

Потрескивает и брызжет искрами в костре сухой валежник. Ваня опять жарит рыбу, а я осматриваю потолок и стены нашего жилья. В правом заднем углу, между листами еловой коры, я нахожу небольшой свёрток.

— А ну, посмотрим, что там? — предлагает Ваня.

Я развёртываю бумагу, потом берёсту ¹⁾ и снова бумагу. Перед нами два пакетика: в одном — спички, в другом — соль.

— Кто-то здесь ночевал и забыл! — догадываюсь я.

Ваня отрицательно крутит головой.

— Нет, это не забыто, — возражает он, — а нарочно оставлено рыбаком или охотником. Допустим, стали мы на плоту что-нибудь из мешка доставать и уронили соль или спички в воду. Спички намокли, соль утонула. А уже ночь. Что делать? Где высушить спички, чтобы огонь разжечь, где взять соль, чтобы поджарить рыбу? Пришлось бы нам в холоде голодными сидеть. Понял?.

— Понял.

Мы бережно завертываем соль и спички и прячем их в прежнее место.

Ночью

Не спится. Лежим на сене и смотрим на красные язычки огня.

— Знаешь что? — говорит Ваня каким-то странным

¹⁾ Берёста — березовая кора.

тихим голосом. — А я ведь скоро уеду. Вот папе придёт из области бумага — и уедем... А не хочется!..

Мне становится грустно-грустно. Я пытаюсь представить себя без Вани и — не могу. Четыре года мы дружили, четыре года были, как братья, и вдруг...

— А, может, не уедешь?

— Раз папа сказал — уедем, значит всё.

— А письмо мне напишешь?

— Обязательно! Мы будем переписываться долго-долго, всю жизнь, согласен?

Я радостно киваю головой и плотней прижимаюсь к другу.

Я сплю и мне снится, что иду по селу Покровскому. Вдруг на меня бросается огромная собака. Она хватается за рукав у плеча и трясёт, трясёт. Кое-как я вырываюсь от неё, бегу по деревне и вдруг проваливаюсь в яму, а в яме — вода. Она заполняет мне рот и нос, душит. Я хочу кричать, но — не могу... Тут сон прерывается, и я просыпаюсь.

— Ну и спишь, — укоряюще говорит Ваня. — За плечи тряс тебя, наверно, полчаса — не могу разбудить. Потом думаю: дай-ка ему нос зажму!

— Так вот почему мне такой сон приснился! — И я рассказываю другу свой сон.

Перед восходом

Над Маслозером — густой белый туман, и берегов не видно. Как и вчера, в небе светит луна, мерцают далекие звёзды. Но ветра нет, и вода недвижима, как горячее топлёное масло.

Мы плывем на Луду.

— Давно-давно, — начинает рассказывать Ваня, — вот в такое же утро пришёл человек — рыболов или охотник — к незнакомому озеру, полюбовался с берега этой красотой, послушал тишину и назвал озеро Масляным. А потом из Масляного озера получилось одно слово — Маслозеро...

— Ты что рассказываешь? — спрашиваю я. — Так было в самом деле?

— Нет, — отвечает Ваня, — не было. А может — было. Это я сам сейчас придумал. — И, помолчав, добавляет, — а ведь могло быть так, правда?

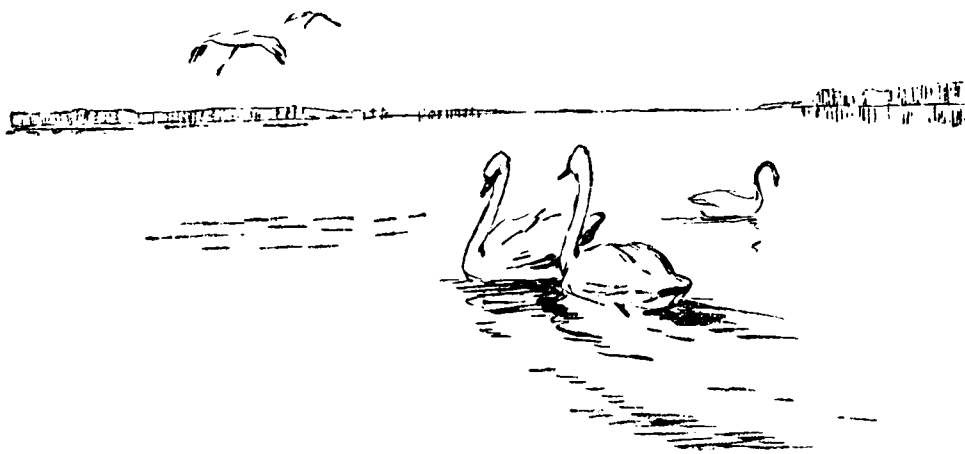
— Могло, — отвечаю я и начинаю думать, что скорей всего это было именно так.

Сегодня нам повезло. До восхода солнца мы поймали четырёх крупных окуней и одну щуку. Три окуня ещё сорвались с крючков: один — у меня, два — у Вани.

— А почему здесь плотицы не клюют? — спрашиваю я.

— Попадаются и плотицы, но редко, — отвечает Ваня. — Щуки да окуни распугивают.

Вдалеке, за озером, трубно прокричали журавли. Взошло солнце, и бледно-розовый туман тихо поплыл на восток. Над озером такая тишь, что слышно, как у берега всплеснула некрупная рыба.

Вдруг слева раздается незнакомый мне звонкий и протяжный клич:

— Кринг-тонн! Кри-кринг-тон! — И шумный всплеск.

— Лебеди! — шепчет Ваня.

До сих пор этих поистине чудесных птиц нашего края я видал лишь по осени, на перелётах.

Мы бесшумно сматываем удочки, беремся за весла и тихо-тихо плывём туда, откуда слышится плеск воды и хлопанье крыльев. Я до того напрягаю зрение, что глаза слезятся.

Набегаёт ветерок. Мы осторожно кладём вёсла на плот и ждём. Малиновые клубы тумана быстро тают на востоке. Уже виден западный берег. И вдруг...

Не более чем в ста метрах от нас из-за редящего тумана показываются две розовые сверкающие птицы. То и дело ударяют они крыльями по воде, и от поднятых брызг снопы искр радужно вспыхивают на солнце.

Лебеди купаются. На мгновение они замирают и, гордо выгнув тонкие шеи, словно любуются своим отражением. И снова бьют упругими крыльями по воде, закинув головы.

Но вот одна птица, вытянув шею, насторожилась.

— Увидели, — догадываюсь я.

— Кринг-кринг!

Лебеди взлетают и, звеня крыльями, скрываются за одним из островов.

— Они ведь белые? — спрашиваю я.

— Белые. Розовые — это от солнца.

В полдень

Мы снова в старых хвойниках, и опять хорошо клюёт рыба.

— А почему, — спрашиваю я, — когда на картинках рисуют рыбаков, у них обязательно по нескольку удочек? Тут одной едва успеваешь таскать!..

— В других местах клюёт редко, — отвечает Ваня, — таких рыбных озёр, как у нас, мало. В Карелии, правда, да в Сибири — есть.

— Значит, наши озёра лучше других?

— Не то, что лучше. Просто, небольшие они, и поэтому рыбных промыслов нет. А в других местах, например, возле города или деревни какой есть, скажем, одно озерко. Пусть тоже не промысловое. Зато каждый день

на него десятки рыбаков идут, — Ваня умолкает, снимая с крючка окуня, и, закинув удочку опять, продолжает:

— А у нас? Сегодня мы — на Маслозере, завтра — на Кодозере, через неделю — на Рыбозере или ещё где-нибудь. Так делают и другие рыбаки, потому что озёр много. Я и то знаю их больше тридцати, а разве мне все озёра известны, на многих я ещё и вовсе не бывал!..

На душе у меня становится как-то особенно приятно и радостно, оттого что мы живём в таком богатом рыбой краю...

К полудню наши корзинки снова полны серебристыми плотиками и полосатыми окунями.

— Пора на остров! — говорит Ваня.

— Рано! — возражаю я.

— Нельзя. Нам ещё нужно рыбу вычистить, ночные крючки осмотреть и домой попасть.

— Уже домой?!

— Иначе рыба испортится, да и унести её мы не сможем.

Делать нечего, я снимаю с удочки последнюю плотицу и берусь за весло.

— Всё? — спрашивает Ваня, когда я кладу топор подле вещевых мешков, набитых рыбой.

— Кажется, всё.

Ваня еще раз осматривает наше имущество, погруженное на плот, и, взяв в руки крючилки, отталкивается от берега.

— А зря мы не взяли хоть одно весло! — говорю я и тоже берусь за крючилку.

— Так делать нельзя, — сухо отвечает друг, — вёсла не наши, и пусть лежат там, где и были.

Я сознаю, что Ваня прав, и мне становится стыдно.

Над озером кружит большая белобрюхая птица.

— Это кто? — спрашиваю я.

— Скопа. Добычу себе высматривает.

Вот птица задерживается в воздухе, торопливо машет крыльями и вдруг бросается в воду. Слышен шумный всплеск. Тяжело оторвавшись от воды, скопа поднимается.

и лениво летит к далёкому берегу. В лапах её блестит пойманная рыба.

Впереди — первый ночной крючок. Лёска спущена с рогатки и заметно дёргается.

— Кто-то попался! — радостно кричу я.

Ваня берётся рукой за лёску и медленно подтягивает рыбу, а потом рывком выбрасывает её на плот.

— Налим!

Извиваясь, точно змея, налим ползает на плоском животе по плоту. Я хочу его поймать, но он выскользывает из рук.

— За жабры бери! — говорит Ваня.

Я хватаю налима за приплюснутую широкую голову и с любопытством рассматриваю пятнистую рыбу, редкую в наших краях.

Из пятнадцати ночных крючков только в одном оказалась не тронутая плотичка. С трёх крючков рыбы сорвались, а с остальных мы сняли восемь некрупных щук и трёх окуней.

Одна щука была вся изранена. Видимо, на неё нападала другая, более крупная хищная рыба.

Домой

На берегу мы вычистили щук и окуней, разрезали их на части, уложили в корзинки. Лёски от ночных крючков, спички и соль рассовали по карманам, а плот привязали бечёвкой к прибрежной берёзе, чтоб его не унесло волнами.

Взвалив мешки на плечи, мы в последний раз взглянули на ласковое озеро, замахали ему руками:

— Прощай, Маслозеро! До новой встречи!..

Лямки мешков оттягивают плечи. Ноет спина. Я смотрю на Ваню и думаю: ему, наверно, ещё тяжелей. Ведь у него мешок больше, удочки и крючки тоже он несет. Правда, корзинки у нас одинаковые, зато топор и пила у Вани.

— Дай мне пилку или топор, — прошу я друга.

- Зачем?
- Тебе тяжело.
- А тебе?
- Я молчу, и мы идём дальше.
- Рыбозеро, Белозеро и крохотная полянка с деревянной бороной уже позади. Ваня сбрасывает с плеч удочки, ставит на землю корзинку.
- Отдохнём, — говорит он.
- Усталые, мы садимся на землю.
- Далеко еще? — спрашиваю я.
- Половину прошли.
- Вершины сосен и елей багряные.
- Скоро солнце сядет, — говорит Ваня.
- Над нами пролетает ястреб-тетеревятник. Пахнет сыростью, мхом...
- До пустырька — полкилометра. Ноги у меня подкашиваются, и я прошу:
- Посидим, а!..
- Мы сбрасываем на землю тяжёлые мешки и садимся.
- Ну, как? Любо тебе Маслозеро? — спрашивает Ваня.
- Очень!
- Хорошее озеро!
- Вот бы там жить!.. Охотились бы мы и рыбу ловили бы, сколько хотели б!
- Когда-то на том берегу была деревня.
- Правда? А теперь что?
- Дедушка Фёдор говорил, что медведи из неё людей выжили.
- Как это?
- Очень просто. Ночью приходят они в деревню, взбираются на крыши домов, отдирают тесины ¹⁾ и на чердак. Повалят печные трубы, всё перевероят, переломают...
- А почему их охотники не убивали?

¹⁾ Тесины — длинные доски, которыми покрывают крыши домов в тайге.

— Так то же ночью! Ничего не видно. Пока охотник на чердак с ружьём да фонарём лезет — медведя и след простыл!.. Случалось, конечно, убивали зверей и ночью...

— Вот это здорово!..

— Идём—говорит Ваня, вставая.

— А скажи, — спрашиваю я, — ещё раз мы на Маслозере побываем?

— Непременно, если я не уеду.

Второй раз на озере

— Наконец-то! — облегчённо вздыхаем мы, когда за березовой рощей блеснуло Маслозеро.

Забывая усталость, мы бежим по некошенному лугу, но вдруг Ваня, остановясь, хватает меня за руку.

— Смотри!

Из воды, далеко от берега, торчат чьи-то огромные головы. Их много: одна, вторая, третья и две — поменьше.

— Лоси... Оводы их в озеро загнали. Вон, слева, с рогами, два — быки, а там — лосиха и два телёнка.

Оставив на траве удочки, крючки и корзинки, мы осторожно ползём влево, к берегу.

До лосей уже совсем недалеко, но

ближний к нам бык вдруг встряхивает тяжёлыми рогами, фыркает и поворачивает голову в нашу сторону. Мы замираем.

— Услышал... — шепчет Ваня.

У меня от страха дух захватило. Я замер.

Шумно расплескивая воду, бык вылезает на берег, отряхивается, поднимает кверху морду и нюхает воздух. Потом крепко ударяет копытом о землю, фыркает, и мигом всё стадо выскакивает из воды.

Сердце моё бьётся часто-часто. Мне кажется, стук его слышат лоси. «Только бы не заметили!» — думаю я.

Но вот бык повернулся к нам боком, опять фыркнул и лёгкой рысью устремился к лесу. Вскоре за ним скрывается и всё стадо.

Когда стихает топот копыт и треск сучьев, мы встаём с земли.

— Ух, страшно! — говорит Ваня. — Какие они большие!..

Встреча

Плот наш на прежнем месте. Мы поспешно раздеваемся и — бултых!.. Как хорошо уйти от нестерпимого дневного зноя в прохладную и чистую воду.

Мы долго ныряем и плещемся в прозрачной воде, плаваем наперегонки, кувыркаемся.

— Карбас! — кричит Ваня.

Я оборачиваюсь. От островов по озерной глади скользит лёгкий челнок. Мы вылезаем на берег, одеваемся.

Карбас быстро приближается. Вот мы уже видим сидящего в нём гребца. Ваня пристально всматривается в рыбака.

— Не узнаешь? — спрашиваю я.

— Обожди... Это... это из Липовой, точно! Яков Афанасьевич Мишкин.

Нам хорошо знаком этот добрый рыжебородый старик, мы не раз рыбачили вместе с ним.

Чиркнув дном о песок, карбас останавливается. Яков Афанасьевич выходит на берег. Лицо его красное, загорелое и по нему к бороде стекают мутные капельки пота. Мы здороваемся и наперебой рассказываем про лосей.

— Жарко зверю — вот он и лезет в воду, — глухо говорит рыбак. — А вы за рыбой? С плота думаете ловить? Неудобно это, тяжело...

Яков Афанасьевич ложится на траву в тени развесистой берёзы и неожиданно говорит:

— Вертайте-ка домой! Лучше дело будет...

— Почему? — удивляемся мы.

— Всё едино — клевать не будет... К вечеру дождь должен быть.

— Нет уж, без рыбы не вернёмся, — говорю я.

— А вы домой? — спрашивает Ваня.

— Куда же больше! Вчера с полпуда наловил, а сегодня — ша! Ни на крючки, ни на дорожку — ничего. На удочку — одна мелюзга. Зря остаётесь.

— А может нам подвезёт? — говорит Ваня.

— Вряд ли... Хотя чего не бывает. Может, карбас вам дать?

— Ой, дайте, дерушка! Уж с карбаса-то мы наудим рыбы!

— Только вот что. Увидите — ветер поднимается, бросайте всё и — на берег; в непогоду Маслозеро — лютое, глубокое оно. А рыбачить кончите, карбас на берег затащите, вон к той берёзе, — Яков Афанасьевич поднялся и показал на корявое дерево: — Не забудьте, на замок закрыть.

И старик отдал Ване ключ.

На карбасе

На озере прохладней, чем на берегу, и оводы беспокоят меньше. Карбас легко скользит по воде; позади него клином расходятся и бегут гладкие волны. Один за другим спускаем мы ночные крючки, привязывая лёски к прежним рогаткам. Вот скрывается под водой последний крючок с серебристым живцом.

— Давай сразу в старые хвойники, — предлагает Ваня.

Мы поворачиваем к далёкому острову. Бурлит под носом карбаса вода. Я смотрю на остров, и мне кажется — висит он над озером.

— Отчего это? — спрашиваю у Вани.

— Водяных паров в воздухе много, — отвечает он.

Красное, словно раскалённое, солнце опускается ниже и ниже. Небо мутное, белесое. Душно.

Нам уже прискучило смотреть на поплавки, неподвижно лежащие на мертвой воде. В карбасе прыгает полдесятка маленьких плотичек. Вот и вся наша добыча.

— Даже на обед себе не наловили, — вздыхая, говорит Ваня.

Мы развязываем мешки, достаём хлеб и молча его едим, зачерпнув воды моим картузом. Я смотрю на низкое багровое солнце, и мне почему-то становится жутко.

— Поедем домой! — прошу я друга.

— Ты чего? — удивлённо спрашивает он.

— Всё равно не наловим рыбы.

— Чушь! На глубокой Луде должно клевать.

— Почему?

— Рыба в глубокие места ушла. Перед дождем всегда так бывает.

— А может дождя вовсе не будет?

— Будет. Смотри, солнце какое.

Вот мы на Луде. Закинув удочку, я гляжу на остров, вспоминая гагарье гнездо. «Вывела гагара птенцов или еще нет?» — думаю я.

Удочка дёргается. Я вздрагиваю, оборачиваюсь к по-

плавку и подсекаю. Крепкое бамбуковое удилище изгибается, и, хотя я тяну вверх, конец его дрожит и всё ниже опускается к воде. Ваня бросается мне на помощь, и мы вытаскиваем окуня. Он тяжело прыгает по карбасу, ударяя по дну жёстким красным хвостом.

— Прошлый раз такой не попадался, — говорит Ваня, свертывая окуню голову. — Пожалуй, с полметра будет!

Настроение у нас поднимается.

— Таких бы штук пять-шесть, и были бы мы с рыбой, — мечтательно говорю я.

С юго-западной стороны неба показывается длинная чёрная туча. Она быстро приближается и растёт.

— Пора забираться на остров, — говорит Ваня и сматывает удочку.

И в этот миг поплавок в моей крючилке, тихо булькнув, ныряет. Я хватаю крючилку, но чувствую, что не в силах её удержать.

— Помоги!..

Ваня мигом оказывается возле меня. Карбас клонится на бок и медленно поворачивается.

— Отчаливай! — кричит Ваня.

Я бросаюсь на корму и перерезаю ножом бечёвку, которой мы причаливали.

— На остров!

Набегают ветерок. Солнце скрывается за тучу. По озеру тёмными барашками проносится рябь.

— Скорей, скорей! — кричит Ваня.

Я гребу изо всех сил.

Буря

До острова оставалось не больше километра, когда сбоку налетел на нас страшный вихрь. Карбас едва не перевернулся. Картуз сорвало с моей головы, и он упал далеко в озеро.

Ваня бросает крючилку в воду, берёт у меня весло и гребёт изо всей мочи.

Слева нарастает и близится зловеший гул. Белеют гребни волн. Ослепительно сверкает молния. Свирепые волны бросают лёгкий карбас, и утлое судёнышко вот-вот перевернётся.

Вот снова набегают, злобно шипя, водяной вал.

Удар!..

Карбас боком взлетает на гребень, на мгновение задерживается на нём и, перевернувшись, летит вниз...

— На остров! На остров! — слышу я откуда-то сбоку Ванин голос.

Намокшая одежда тянет ко дну. Я ныряю и стягиваю с ног сапоги; глотнув воздуха, ныряю снова и сбрасываю с себя брюки. Левая рука — вперёд, правая — назад, левая — вперёд, правая — назад... Жестокий ливень хлещет по волнам.

Я закрываю глаза. Вверх-вниз, вверх-вниз — качают меня волны. Сверкает молния. Гремит гром. Кружится голова.

Остров далеко. И всюду — беснующиеся волны. «А где же Ваня?» — думаю я. Когда волна поднимает меня, оглядываюсь. Сзади, в нескольких метрах, чернеет голова друга. Из-за сплошного ливня не видно лица...

Руки у меня становятся всё тяжелей и непослушней. Я уже не успеваю подниматься на волны, и бурлящая вода всё чаще перекачивается через меня, прерывая дыхание...

Левая — вперёд, правая — назад, левая — вперёд, правая — назад... Далеко ли еще? «Наверно, не доплыву», — думаю я.

Вверх-вниз, вверх-вниз — баюкают волны. Я захлёбываюсь раз, другой, третий... Становится страшно.

— Тону!.. — кричу я, но не слышу своего голоса.

Хоть бы еще раз увидеть друга! Я пытаюсь открыть глаза и — не могу. Он — выплывет, он — сильнее...

Левая — вперёд, правая...

Всё! Руки уже не действуют. Что-то сдавливает горло... Душит.

— Мама!..

Перед глазами проплывают тёмные круги, и всё накрывается мраком...

Как хорошо на дне! Волны сюда не доходят. Над головой плавают рыбы. Вон огромная щука глядит на меня, открыв зубастую пасть. Но мне не страшно.

— Лёша! Лёшка-а! — откуда-то сверху зовёт Ваня. Я хочу отозваться, но у меня пропал голос.

«Больше никогда мы не будем вместе!..»

Волны то нажимают на грудь, то отпускают, и от этого становится легче. Снова надо мной появляется огромная щука.

— Лёшка-а!.. — кричит она плачущим Ваниным голосом.

— Что? — спрашиваю я.

И вдруг щука превращается в Ваню и оглушительно кричит:

— Живой! Живой!

«Как живой?» — удивлённо думаю я и приподнимаю голову.

Какие огромные водоросли вокруг меня! Они похожи на деревья... Да это и есть деревья! А между ними прыгает мой друг, смеётся, кричит:

— Живой! Живой!..

— Что со мной? — спрашиваю у Вани и вдруг чувствую, что лежу на земле.

Сверху на меня льются тёплые струи дождя, у ног моих плещутся волны.

В шалаше

У меня болит голова. Я лежу на сухом сене против жаркого костра и, закрыв глаза, слушаю Ваню.

— Вынырнул я, смотрю — ты поплыл, я — сзади. Но вспомнил про лук, повернул обратно. Свой нашел, а твоего — нигде нету. Вижу, ты уже далеко. Сорвал с себя рубашу — и за тобой. Догнал. Плыву сзади. До острова уже совсем близко. Вижу, волны через твою голову перекатываются, и руками ты чуть-чуть шевелишь. Нырнул я, брю-

ки скинул, стрелы — в зубы, взял тебя левой рукой за подбородок, сам на спину перевернулся и плыву, плыву... До берега метров десять, а сил уж у меня нет. Опустил ноги, думаю, может, дно близко. Где там! Я — снова вперёд. Плыл, пока о берег не ударился плечом. Ни грозы, ни дождя, ни ветра — ничего не видел. Вытащил тебя и стал искусственное дыхание делать. А ты поси-нел и — не шелохнешься. Руки у меня болят, и силы уж никакой нету, а как подумаю, что тебя не спасти — дышать нечем. Потом вижу, ты приоткрыл глаза... Ну, и обрадовался же я! Ух, как обрадовался!..

Глухо шумит лес. Гроза прошла, но ветер не стихает.

— Не озяб? — спрашивает Ваня.

— Немножко.

— Надень рубашку. Уже высохла.

Я встаю. Голова всё еще кружится. Теперь Ваня сушит лук и стрелы.

— Вот и пригодились нам те спички, что были спрятаны в шалаше, — говорит он.

— А карбас — унесло? — спрашиваю я.

— Унесло. А одежда — утонула. Я вот в трусах да в майке остался.

— Что же мы делать будем?

— Не знаю. Завтра что-нибудь придумаем.

Вдоль берега

Ветер к утру ослаб. Из-за туч выглянуло солнце.

Мы долго бродили по острову в поисках дичи, но, кроме дятла, никого не видели. Ваня два раза выстрелил из лука, но промахнулся. Гагарье гнездо тоже оказалось пустым. Видимо птицы уже вывели птенцов.

Мы возвращаемся к шалашу, раздеваемся и, взяв в левую руку одежду, плывём к берегу.

— А теперь куда? — спрашиваю я, когда мы вылезаем из воды.

— На тот берег. Карбас надо найти, да и удочки тоже...

* * *

— Кэй! Кэй! — кричит впереди ястреб-тетеревятник.

Ваня даёт мне знак остановиться и тихо крадётся на крик птицы.

Оводов сегодня нет, но зато комары и мошки жалят нестерпимо. Я отмахиваюсь от них берёзовой веткой и думаю о том, что дома нам крепко попадёт за вчерашний день.

— Иди сюда! — раздаётся из лесу голос друга.

Я бегу на зов и вижу: Ваня стоит под сосной и держит в руках мертвого ястреба.

— Подстрелил?!

— У гнезда.

Я поднимаю голову: под самой вершиной сосны чернеет ястребиное гнездо. Над лесом с тревожным криком носится второй ястреб.

Мы собираем хворост, потом я разжигаю костёр, а Ваня начинает оципывать добычу.

— А разве ястребов едят? — спрашиваю я.

— Голодному любую птицу есть можно.

— И ворону?

— И ворону!

* * *

К полудню добрали мы, наконец, до своего плота. Отыскав в лесу подходящие осинки, мы сделали из них шесты, обломав вершины и сучья, и поплыли дальше.

Шумно плещутся о плот волны. Лес гудит. Тихо шуршит камыш, а мы всё плывём и плывём, упираясь шестами о твёрдое дно.

— Карбас! — обрадованно кричит Ваня.

Впереди, в камышах, покачиваются нос и корма карбаса. Мы причаливаем к берегу, вытаскиваем из воды затонувший челнок и выливаем из него остатки воды. Неподалеку находим весло, удочки, Ванину крючилку и корзинки.

— Поищем, может, и окуня найдем! — говорит Ваня.

Но поиски наши ничего не дают. Мы привязываем плот к дереву, а сами садимся в карбас и плывём к ночным крючкам.

На буксире

Далеко посреди озёра чернеет палка. Мне почему-то кажется, что раньше её там не было. Когда я говорю об этом Ване, лицо его краснеет.

— А вдруг — это твоя крючилка? — говорит он взволнованно.

Мы поворачиваем навстречу ветру. Палка всё ближе и ближе.

— Смотри, она тоже плывёт! — восклицает Ваня.

И точно. Тихо покачиваясь, палка медленно движется на запад. Сомнений не остается: это — крючилка. Когда мы подъезжаем к ней, она уходит глубже, и над поверхностью воды косо торчит лишь полуметровый конец. Ваня передаёт мне весло, а сам берётся за крючилку.

— Туда! — коротко говорит он, показывая рукой на ближний остров.

Я начинаю осторожно грести, но Ваня крутит головой.

— Давай быстрее!

Рассекая волны, карбас стремительно налетает на остров. Ваня выскакивает на сушу и, не выпуская из рук крючилки, бежит в лес.

Из воды показывается поплавок, а за ним... огромная щучья голова и чёрная спина рыбы, похожая на обгорелое бревно! Мы оттаскиваем щуку подальше от воды. Сначала она лежит неподвижно, потом открывает зубастую пасть, поднимает хвост, с силой ударяет им по земле.

— Весло!

Я бегу к карбасу, хватаю весло и подаю его другу.

Удар, второй, третий!.. Рыба лежит неподвижно, изредка хватая жабрами воздух.

— Таких щук я ещё не видывал! — говорит Ваня дрожащим от волнения голосом. — Кабы на буксир не взяли, не смогли бы вытянуть!..

Последний день

Ожидания мои оправдались: в тот же вечер, когда мы возвратились с Маслозера, папа строго-настрого запретил мне уходить далеко от дома и, что обидней всего, ночевать в лесу. То же самое было и у Вани. Даже семнадцатикилограммовая щука не смогла нас выручить, и большинство времени мы вынуждены были проводить на ближних озёрах и Безымянке.

От этого желание побывать на Маслозере ещё больше разгорелось, и мы уже подумывали уйти на чудесное озеро тайком, самовольно. Но тут случилось то, чего ожидали мы каждый день и больше всего боялись: Ванин папа по-

лучил из области бумагу и на другой же день собрался уезжать со всей семьёй.

Утром ко мне зашёл Ваня, и мы пошли на речку. На самом берегу, под двумя курчавыми берёзками, мы легли на траву и долго молча смотрели на тихую и гладкую воду.

— Вот и кончились наши путешествия, — сказал, наконец, Ваня.

И мне стало обидно и жалко, что они действительно кончились. Я подумал, что сегодня вечером уже не будет со мной друга, и останусь я один. Слёзы навернулись мне на глаза, и я молча проглотил слюну.

— Ну, ничего! — бодро заговорил Ваня, точно угадав мои мысли. — Општа не так уж далеко, семьдесят километров только! Я к тебе в гости приезжать буду.

В гости!.. Словно он не понимает, что мне хочется видеть его, быть с ним каждый день, постоянно. Есть же люди, что дружат всю жизнь, с детства! А почему мы не можем так дружить?

— Ты что молчишь? — спросил Ваня.

Я хотел сказать ему, что думал, но у меня ничего не получилось.

— Отвечу...

О многом думалось, но что сказать, я не знал.

— А помнишь, — вдруг сказал Ваня, — как мы за беляком здесь охотились?

— И промазали, — ответил я.

Мы долго вспоминали наши зимние приключения и не заметили, как солнце повернуло на полдень. Ваня вскочил.

— Меня ведь, наверное, ждут! — воскликнул он, и мы побежали в деревню...

— ... Ну, всё! — сказал Ваня, когда шофёры завели машины.

Жители Пустырька, толпившиеся подле дома Плахиных, один за другим подавали руки дяде Васе и тётке Вере, прощались. Я тоже протянул свою руку Ване и чуть не заплакал, когда друг, крепко пожимая её, дрогнувшим голосом, заикаясь, сказал:

— До свиданья, Лёша! Пиши... — Он часто заморгал глазами, такими голубыми и добрыми.

— Буду... — только и смог я ответить.

Ваня и тётя Вера сели в кабинки, а дядя Вася — в кузов, откуда торчали столы, стулья, кровати, шкафы и прочие вещи.

Машины тронулись, глухо фыркая моторами. Папа и мама замахали им вслед руками, а я... а я убежал в сарай, бросился ничком на сено и заплакал:

— Уехал! Навсегда уехал!..

ДО СВИДАНЬЯ, ЛАГЕРЬ!

Уезжаем, уезжаем
Мы сегодня по домам.
Нас в дорогу провожая,
Лес шумит по сторонам.

И летят автомобили
По дороге полевой...
Милый лагерь, где мы жили,
Остаётся за спиной.

Скоро в школу, скоро в школу.
Но запомним мы навек
Наш над речкою Комёлой
Лагерь северный Артек.

Не забыть, даём мы слово,
Уходя из лагерей,
Как дежурили в столовой,
Как ловили пескарей.

Как нам речка мыла плечи,
Камениста и быстра,
Как мы песни в звездный вечер
Распевали у костра.

Как ходили мы в походы,
Как пололи огород.
Как однажды речку с ходу
Перешли мы смело вброд.

Как скликали нас под флаги
Горны звучные с утра...
До свиданья, милый лагерь!
Скоро в школу нам пора.

В ШКОЛУ

Снова с книжками пошли
На учење школьники.
Пролетают журавли
В небе треугольником.
Поздравляли все ребят
В новом школьном
здании.

Приодет, как на парад
Или на гуляние,
Счетовод очки надел,
Поглядел внимательно:
— Вы, ребята, много дел
Сделали старательно.

Потрудились вы всерьёз,
Славно поработали.
И посев, и сенокос
Вас всегда заботили.

Было в поле горячо,
Но страда кончается...
А у вас она ещё
Только начинается!

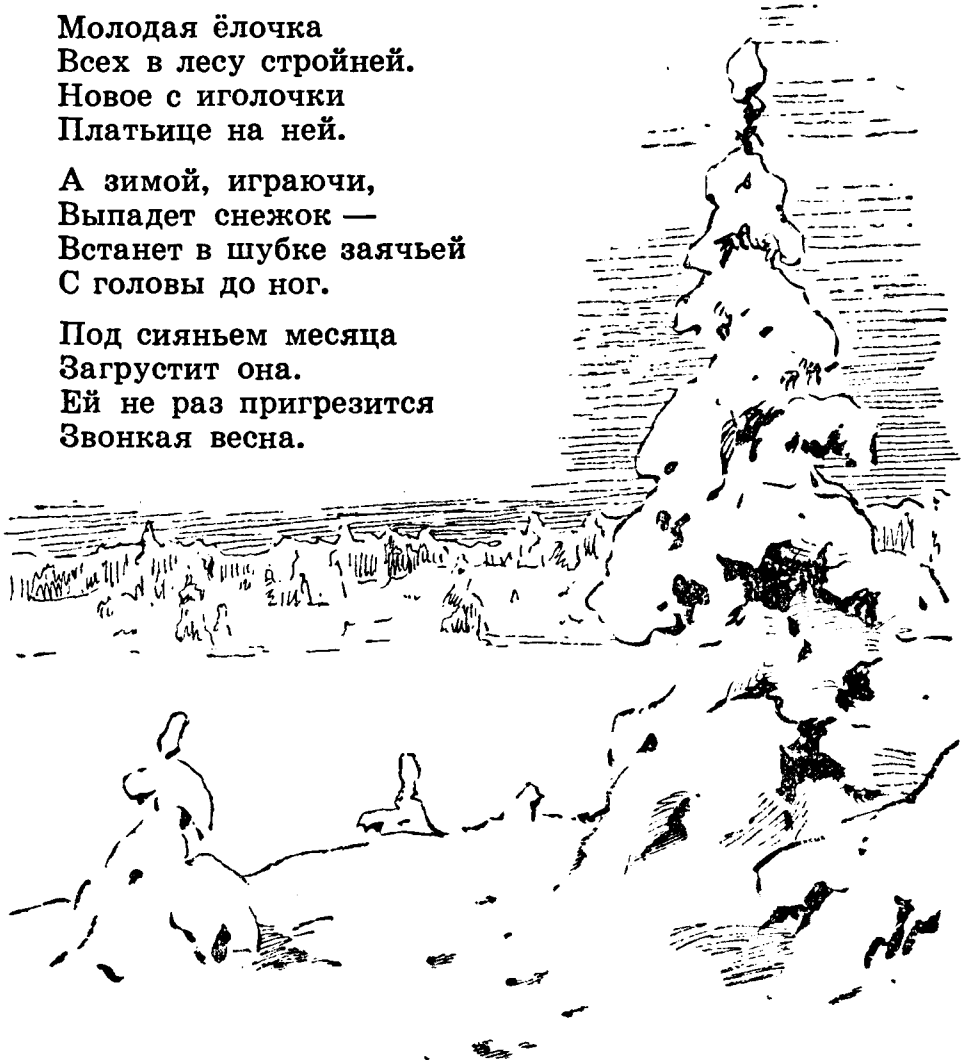

ЁЛОЧКА

Молодая ёлочка
Всех в лесу стройней.
Новое с иголки
Платице на ней.

А зимой, играючи,
Выпадет снежок —
Встанет в шубке заячьей
С головы до ног.

Под сияньем месяца
Загрустит она.
Ей не раз пригрезится
Звонкая весна.

В. ГАРНОВСКИЙ

Г А Р М О Н Ь

Немало пришлось перевернуть в чулане всякой рухляди, что годами накапливается в каждой семье. Иное и выкинуть надо бы на помойку, ан, глядишь, в своё время и пригодится. Пусть же лежит в укромном месте до своего часа, выкинуть никогда не поздно.

И всё-таки Петька нашёл их — старые ржавые капканы на лисиц — клепи, как называют их охотники наших мест. Нашёл и, вполне довольный собою, до полудня приводил их в порядок. Насмотрелся этому у Корнилы Иваныча — старого охотника, что живёт на краю села. К Корнилу Иванычу надо было наведаться ещё не раз, чтобы в точности понять, как ставить клепи на лисиц. И сделать это требовалось в полной тайне. На то у Петьки были уважительные причины.

Если уж всё договаривать до конца, то лишь одна причина заставляла молодого охотника помалкивать о своих замыслах. И эта причина — гармонь, новенькая, сверкающая никелем планок, лаком, цветными мехами, голосистая певунья. Веселое заиграешь — ноги шевелятся, в пляс просятся, грустное заведёшь — все приутихнут, задумаются.

Петька учился играть урывками — то у счастливцев, имеющих гармонь, посидит в доме, на несколько минуток возьмёт в руки заветную музыку, то иной раз удастся гармошкой в избе-читальне попользоваться. Ну, об этой гармошке и сердце не болит — бечёвочкой перевязана, три голоса молчат. Кабы председатель колхоза в музыке разбирался, давно бы новую купил!

А лучше всего иметь свою гармонь. Когда хочешь, тогда и играй, не оглядывайся, не бойся, что её вот-вот от тебя отберут.

На какие же деньги купишь гармонь? Петькины заработки еще все впереди, сначала надо школу окончить, а уж потом... На материнские деньги рассчитывать не приходится. Невелика её пенсия за Петькиного отца, погибшего на фронте, а в колхозе на трудодни какие-то копейки приходятся. Значит, либо жди, когда школа будет окончена и Петька на свои ноги станет, свои заработки иметь будет, либо теперь что-нибудь смекать надо.

И Петька смекал. Летом, помогая колхозу, находил время ставить ловушки на кротов, осенью удавалось по воскресеньям сходить в лес с ружьишком, добыть десяток-другой белок. В отца был Петька, охотником. Однако рубли, что получал он и за кротов и за белок, приходилось отдавать матери. Сядут вечером чай пить, мать вздохнёт:

— Надо бы тебе, Петенька, пару новых рубашек спросить. Да и у Нюрки с Тонькой платишки поизносились, а где денег на это взять — ума не приложу!

И замолчит. А Петька тоже молчит. Ох, знает мать о его заработках, знает! И всего-то у него рублей шестьдесят припрятано, до гармонии ещё много докладывать надо. Отдать эти деньги матери или обождать, можно и в старых рубашках походить?

Но уж такой язык у Петьки — помучается парень минут десяток и важно:

— Есть у меня, мама, маленько. Шестьдесят два рубля! За пушнину получил. Сейчас принесу.

И приносит. Мать только чуть заметно улыбнётся. А Петьку благодарит:

— С таких лет, а уже добытчик. Спасибо, выручил! И своих у меня есть маленько, вот и вывернусь. А, может, на какое своё дело бережёшь? Так возьми их, я как-нибудь обойдусь.

Как это можно отданные деньги жалеть? Да и сам Петька понимает — трудненько матери приходится.

* * *

Всё сделал Петька так, как учил его Корнил Иваныч. Капканы в хвое выварил, лопатку выстругал из чистой досочки и чистым ножом, рукавички тоже в порядок привёл. Требовалось, чтобы ни малейшего запаха от капкана не было и от всякого охотничьего инструмента. Лисица хитра, подозрительна, это тебе не заяц-простота, не беззаботная болтунья-белка.

Готовиться к охоте приходилось только по воскресеньям, в то время, когда мать уходила на скотный двор. И в воскресенье же, задолго до света, Петька ушёл из дома.

За Гавриными нивами, у опушки соснового бора, нашёл Петька лисий след. И вот молодой зверолов осторожно деревянной лопатой подкопался в плотном снегу под него, подсунул насторожённый капкан и так замёл подкоп снегом, что как ни смотри, а не поймёшь — было ли чего тут сделано и что таится под лисьим следом-цепочкой? Лисица любит возвращаться своим же следом, ловко ставит свои лапки в те ямки, что выдавлены этими же лапками поутру.

Уже к обеду Петька поставил свои четыре капкана. Потом свернул в лес, но без собаки какая же охота на белок? А своего Бобика пришлось сегодня на цепь посадить. От него была бы только помеха.

И повезло. Да как ещё повезло! На третий день, тоже чуть только рассвет за окнами засинел, Петька уже мчался на лыжах полями. Надо было и капканы осмотреть, и в школу не опоздать.

В капкан рыжая кума попалась задней левой лапой. Злобно смотрела она на Петьку, злобно кляцала острыми

белыми зубами. Но трудно зверю спорить с человеком, хотя бы и было этому человеку всего пятнадцать лет. И Петька готов был песни петь, когда скользил на лыжах к дому.

Лисицу до вечера он припрятал в укромном месте. Дома даже позавтракать не успел, схватил кусок хлеба, сумку с книгами — и в школу.

Шкуру с лисицы снимал вечером в избе у Корнилы Иваныча. Там же и оставил её на просушку. Попросил старика никому-никому не говорить о звероловной удаче. Признался ему, в чем дело.

— Никому не скажу, — пообещал старик. — Да и кто узнает?

Корнила Иваныч жил в избушке на задворках. В этой избушке была у него бондарня. Только обедать да ужинать ходил старик в свой большой дом, в семью. А в бондарне было и тепло и сухо...

Недели не прошло — вторую лисицу Петька добыл. Считай, что полгармошки есть. За зиму, может быть, и еще одна-другая лиса попадётся. Это — верная гармонь. Новенькая, голосистая!

И всё жё случилось то, чего опасался Петька. И случилось, как и всегда, за ужином...

— Получше с деньгами теперь стало, — говорила мать, — в колхозе авансируют каждый месяц, мне полтора с лишним пришлось. И пенсии теперь, спасибо, прибавили! Так-то оно и совсем хорошо выходит. Вот только одно — привезут завтра в сельпо новые валенки, а у нас у всех — латаные. У тебя такие — стыдно смотреть, до чего доподшиваны, вроде лыж стали. У девчонок тоже. Да и мне ходить вроде не в чем. Кабы ещё по двору, а как в люди выйти, так и нехорошо. На все-то валенки рублей шестьсот надо, у меня же всего четыре сотни. И другие расходы есть. Не купишь валенки сейчас — жди, когда опять привезут, кооператоры у нас тихие...

В первый вечер Петька промолчал. Но, осмотрев свои валенки, глянув на материнские и сестрины, понял, что гармонь опять останется мечтой. Махнул рукой на свои

замыслы, быстро сбежал к Корнилу Иванычу и поднес матери лисьи шкурки:

— Будет времечко — занеси с утра в заготконтору. Две сотни верных, лисицы первым сортом пойдут.

И с огорченным, но гордым видом занялся уроками, стараясь не слушать материнские похвалы и расчёты.

— Петюшка, скажи по правде, может, ты куда себе деньги копил? — догадалась мать.

— Нет! — мотнул Петька головой.

Мать присела против него, положила свою руку на вихрастую Петькину голову, улыбнулась. И Петька признался, вздохнув:

— Гармонь хотел купить!

— Гармонь? А хоть маленько-то играть умеешь?

— Поучился кой у кого. Да что об этом говорить? Мне уроки надо делать.

И опять занялся учебником, только уж больно долго не мог задачу решить. И задача-то простенькая, а вот, не решить да и только. Едва-едва к полночи с этим делом развязался.

Прошёл новый год, прошли каникулы. Но счастье изменило зверолову. Пришлось капканы убрать до будущего года. А тут метели начались...

Мать еще до свету уехала с другими доярками в районный центр, на совещание. Петьке пришлось всё воскресенье домовничать, за хозяйку отвечать. Хлопот было по горло — и корову напоить, накормить надо, и поросенку не один раз еды вынести. Надо было и дома, как и при матери, вовремя обед и ужин на стол поставить.

Трудное женское дело! До того Петька домашними делами замотался, что, уложив сестёр спать, и сам почувствовал — только бы до постели добраться.

Разбудила его мать — довольная, веселая, в нарядном платье, в новых валеночках. Сидела за столом, за шумящим самоваром — когда она его вскипятить успела! — раскладывала по тарелкам пряники, печенье, булочки — гостинцы ребятам — и рассказывала, рассказывала о совещании, о встречах.

— Хорошо это время от времени в людях побывать, с подругами побеседовать! Да что чай-то не пьешь, или не размаялся? Вижу — спит парень, не хотела будить, да пришлось. Не зевай, не зевай, сейчас опять ляжешь!

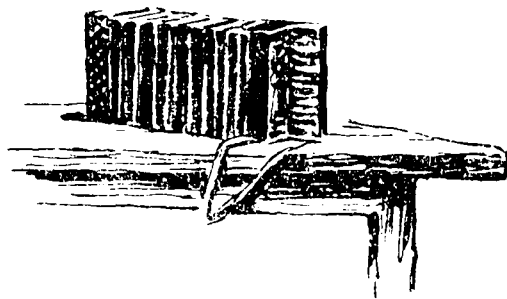
И вдруг — ставит на стол новую гармонь.

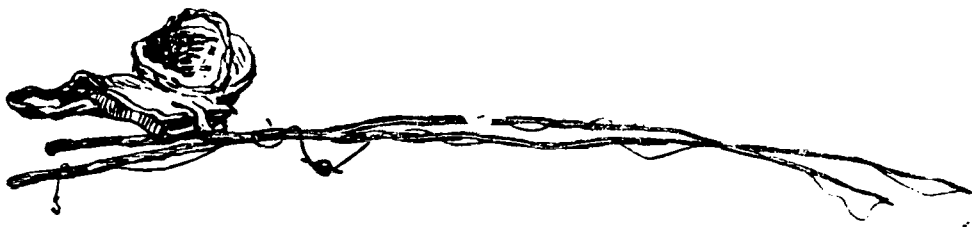
— Это тебе от меня!

— Мама!

— То-то и мама! Мне премию на совещании дали — маркизету на платье. За это спасибо, да ведь я немолоденькая. А Васильеву — конюху из «Просвета» — гармонь. Держит он гармонь в руках, говорит нам: «Я конечно, человек молодой, но на гармонии не играю и не интересуюсь. Спасибо, конечно, но кабы с кем сменяться — же не бы на платье?» Тут я с ним и сменялась. Обоим и ладно! Ну, доволен?

Петька только головой кивнул и прошёлся пальцами по ладам. А гармонь вздохнула и начала выговаривать что-то ласковое и хорошее.

В. ГАРНОВСКИЙ

РУКАВ И ВОРОТ

— Пошли?

— Пошли!

Для сокращения пути они перелезли через изгородь соседского огорода, потом через вторую и скоро оказались на большой дороге. У каждого на плече удильща, на удильщах корзинки для будущей добычи, а сейчас в них лежало по куску хлеба. Поход предполагался до вечера, на Соймозеро.

Собирались на это озеро Валька и Юрий с весны, но всё что-нибудь мешало. Но теперь-то они возьмут своё — с Соймозера другие удильщики пустыми не возвращались. Правда, далековько до него, но это не помеха, только бы погода не испортилась.

А погода была, как на заказ — тихая, солнечная, к полудню вот как будет жарко! Зато сейчас хорошо — роса ещё не сошла, прохладно и даже оводы не начали свои нахальные атаки.

— Десять километров до озера, — рассчитывал Юрий. — Мы, самое малое, по пяти километров в час идём, значит, на озере через два часа будем. А котелок для ухи ты не забыл? А соль?

— Взял и котелок, и соли. Как же без ухи? Вот только ложку позабыл взять.

— Эх ты! А я как догадался, что ты ложку забу-

дешь — две взял, на всякий случай. Деревянные, старинные, большущие. Как подденешь — сразу на десять глотков. Это бурлацкие!

— Откуда у вас они в дому? Разве кто-нибудь из ваших бурлаком был?

— Нет, никто не был, просто ложки так называются.

Так болтая кое о чем, а больше всего о предстоящей ловле, Валька и Юрий бодро месили босыми ногами дорожный песок. У ручья отдохнули, напились холодной, пахнувшей болотом, темной воды и полюбовались на свои удочки. Вчера, только вчера привезли в магазин сельпо готовые удочки — леска из прозрачной «жилки», на ней ярко-красный поплавок, а крючок — одно загляденье — маленький, острый-преострый. Пришлось каждому выпросить у матери по пятёрке на приобретение чудесных снастей и дать обещание — целый месяц в кино не ходить. Впрочем, ребята втайне были уверены, что матери раздобрятся и на кино деньжонок дадут. Но для этого требовалось показать себя настоящими рыбаками, не раз, не два накормить семью рыбкой своего улова.

Дорога — песчаная, широкая — пролегла сухими богами, окрайками болот и болотинок — от них сладко пахло болиголовом, нагретым летним солнцем, а иногда тянуло больничным запахом торфа.

— Ну, вот, шесть километров прошли, — заявил Юрий. — Видишь километровый столб? Отсюда к озеру тропинкой пойдём.

Вальке приходилось соглашаться — на Соймозеро он шёл впервые, значит, слушайся товарища.

— Жарко становится, — пробормотал он и с остервенением хлопнул ладонью по своему плечу. — Смотри-ка, уже оводы залетали! Дадут теперь они нам ходу!

— Ничего, без этой дряни ни одного лета не обходится. Рыбаку да охотнику надо ко всему привыкать.

— Да, привыкать! Днём оводы, вечером и ночью комары. Как бы без них хорошо было!

— Чудак ты! Оводами и комарами ласточки питаются. А без них они бы с голоду умерли.

— Это ты чудак! Ласточки и другое что-нибудь нашли бы...

— Вот и не нашли бы!

— Нет, нашли бы!

— погоди, не спорь! Знаешь, что я придумал — нет? Давай, зайдем в болото, посмотрим, не поспела ли морошка? Пора бы. Хорошо бы талушек поесть.

Юрий не ошибся. Скоро приятели наслаждались талушками — сочными, спелыми ягодами морошки. Настолько спелыми — тронь — и упадёт на мох. Разве можно такому добру пропадать? И оно не пропадало! Известно — талушки такая штука, что чем больше ешь, тем больше хочется. И ребята на время позабыли о Сойм-озере... А вспомнили о нём лишь тогда, когда ягоды стали казаться не то кислыми, не то пресными. В таком случае надо отдохнуть, переждать с полчаса, и ягоды снова приобретут вкус и сладость.

— А где же у нас удочки? — спохватился Валька. Юрий озабоченно осматривался — в самом деле, где оставили они удочки и корзинки?

Кое-как удочки нашли.

— Мы вот что сделаем, — сказал Юрий, — оставим удочки на приметном месте, чтобы их второй раз не искать. Вон сосновый бугорок, как раз посреди болота. Там и отдохнём заодно.

Бугорок был невелик — с полсотни сосен, под ними серый, сухой мох, с лёгким треском ломавшийся под ногами. Приятели уселись на вершине бугорка, съели по кусочку хлеба и улеглись на отдых. И вдруг Юрий, к удивлению Вальки, вытащил из кармана своего пиджачка... старенький кисет, свернул сигарку. Закурив с таким видом, будто ему это не в диковинку, он ловким щелчком — сразу так не научишься — отбросил спичку.

— Ой, узнает твоя мать — попадёт тебе! — сказал приятелю Валька.

— Ты не скажешь — не узнает. Да ведь я курить много не собираюсь. Это я на озеро табачку взял, к вечеру,

когда комары одолевать будут. Закурю — они на меня не так липнуть станут.

— Где кисет нашёл?

— В старом сундучке. Это ещё отцовский. И табаку в нём было немножко. Отцу, когда на фронт уходил он, мама новый кисет сшила. А этот дома остался. На-ко, хвати.

— Не буду! Ну его! Пойдём лучше талушки есть да и на озеро надо! — И они бегом бросились в болото. Юрий даже свой пиджачишко у корзин оставил — день становился всё жарче и жарче.

Но не успели они как следует за ягоды взяться, как вдруг потянуло откуда-то горячим дымом лесного пожара. Ребята тревожно поглядели на бор, что стоял на той стороне болота — нет, дым наносило не оттуда. Откуда же?

— Да это наш бугорок горит! — ахнул Юрий и бросился к нему, а за ним помчался и Валька. Он больно ушиб ногу, споткнувшись о какую-то корягу. Да что там нога, когда бледные языки пламени беззвучно плясали под соснами, а бугорок, ещё несколько минут тому назад покрытый весёлым серым мхом, теперь был чёрным, угрюмым!

Но — поздно! Удилища обуглились, от новеньких лёсок и красных поплавков даже пепла не осталось. А пиджачишко Юрия ещё тлел. И Юрий хлестал им о землю, потом бросился в болото и вжал пиджак в сырой мох.

Сгорели и корзины...

А пожар сник. Огонь расправился только с сухим мхом, с валежником, опалил, закоптил стволы сосен, но не тронул их хвои.

Болото — вот что не дало разгуляться пожару, страшному лесному огню. Если бы не оно... но Юрий и Валька даже боялись подумать о том, что бы тогда было.

* * *

Куда как не радостно было идти домой! Всё пропало! Когда-то ещё будут такие хорошие удочки? Когда-то удастся побывать на Соймозере. А тут ещё и корзинки сго-

рели, и ноги саднят — всё-таки досталось и им, как ни прятко бегали ребята по бугорку.

— Куда ты свой огарыш несёшь? — спросил Валька. — Своей матери показать? Она тебе покажет!

Юрий сердито швырнул в кусты то, что осталось от пиджачка — ворот, кусок спинки и наполовину обгоревший рукав.

— А всё ты — покурим, покурим! — вздыхал Валька. — Вот — покури теперь! Где у тебя кисет с табачком?

— Сгорели! Да ты чего подковыриваешь? Я в шутку покурил, а вот...

— И ещё покури!

— Отстань! Век теперь... не приставай, а то...

— Ну-ну, чего такое — то? Ну?

Надо бы после этого подраться, но какая же драка при таких неприятностях?

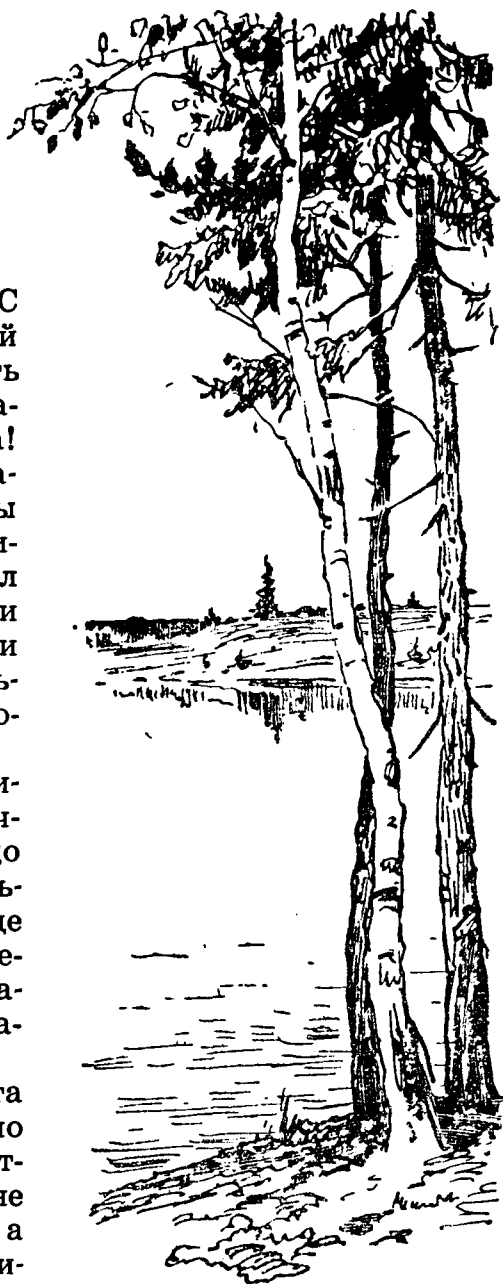
ТРИ ДЕРЕВА СТОЯЛИ

Вот это была удача! С первого слова дядя Василий Иванович согласился взять ребят с собою на Долгую Старицу, с ночлегом. Вот это да!

Хотя до поездки оставалось ещё три дня, но сборы ребята начали незамедлительно. Каждый осмотрел свои сапоги и даже вымыл и смазал их салом. Дёгтем при ужении сапоги мазать нельзя, рыба этого запаха не любит.

Пришлось проверить удилица, сменить лёски и крючки. А самое главное — надо было запасти червей побольше. Рыба на Долгой Старице клюёт здорово, только успевай червей на крючок насаживать, а рыбу в мешок складывать.

Долгая Старица — мечта всех удильщиков, особенно молодых. Да оно и понятно — берегом туда идти не то чтобы очень далеко, а трудно — болотины, топи либо такие частые кустарники,

что разве толькомышь, ну, в крайнем случае, заяц сквозь них продерется, да и то некаждый, только хитрый.

Виктор, Генка и Павлик никому-никому из ребят о будущем походе не говорили — хороший рыбак свои думки про себя таит, как говорит дядя Василий Иванович. Ребята только подмигивали друг другу, встречаясь, и подготовку к походу вели тишком.

И вот, дождались того вечера, когда можно было сказать: «Едем!».

А дядя, вот незадача, задержался в конторе. Никогда эти взрослые не могут вовремя свои дела закончить! Ведь вечер же! На реку надо, а дядя всё ещё спорит с председателем колхоза, настаивает, чтобы правление подвезло к скотному двору какие-то брёвна. Плохо, когда у вас дядя техник-строитель и строит двор в колхозе! Жди вот его!

Ребята тоскливо бродили у правления, пытались заглянуть в его окна. Виктор даже в правление зашел, постоял у порога, но дядя не заметил его! Что делать?

Уселись ребята на завалинку и ждут, поглядывают на солнышко — совсем оно уже низко. Часа через полтора и ночь...

Наконец-то! Хлопнула дверь, и дядя, сердито швырнув окурок в дорожную пыль, зашагал к своему дому. Ребята сорвались с завалинки и подбежали к дяде, заглядывая в его глаза.

— А, вы здесь? Ждёте? Сейчас, сейчас, только домой зайду, переоденусь. Ведь вот упрямый какой (это он о председателе), понимает же, что двор надо летом поскорее достраивать, а всё чего-то тянет, откладывает. А время идёт! Ну, я всё-таки высказал, что требуется, — подвезет лес к понедельнику. Ну, а если... да вы, никак, уж совсем готовы? Молодцы! Вот что, забирайте свои пожитки, и марш на берег к моей лодке. Ждите там, не задержусь!

Через несколько минут ребята были на реке. Они отлили воду из дядиной лодки, разложили свои удилица и котомочки с припасами по местам, поспорили, кому и каким веслом грести, и даже обулись, чтобы потом не заниматься этим делом, когда за веслом сидеть придётся.

Посидели, подождали — дяди нет и нет. Виктор выбрался на берег посмотреть, не идёт ли дядя. Но Павлику и Генке показалось скучным сидеть в лодке. Река стала задумчивой, вечерней, под кустами затаились тёмные пятна — от них потом потянутся серые тени, сгустятся в ночь. Вот почему скоро все трое оказались на берегу, поглядывали на тропинку к селу — не покажется ли дядя.

Присели под ёлкой. Кто-то, видимо ещё весной, царапнул бурую еловую кору — из царапины вытекала прозрачная жёлтая смола, сбивалась комьями и в них чернели мёртвые муравьи: наверно, хотели переползти через смолу, да и завязли.

— Вот бы поджечь эту смолку! — сказал Генка. — Она сильно горит! Как свечка — и ещё больше.

Его товарищи внимательно осмотрели ёлочку. В две руки толщиной, стройная, высокая. А рядом с ёлочкой, словно из одного корня, росли берёзка и сосна. Были они в один рост с ёлочкой, росли дружно, не мешали друг другу.

— И верно — давайте подожжём смолку! — предложил Виктор. — У меня в сумке спички есть. Я принесу. Ладно?

— Знаешь что? В моей сумке нож лежит. Тот, который с двумя лезвиями, — сказал Виктор. — Принеси и его.

— Зачем тебе?

— Надо! Я бересты надеру, чтобы, когда на Долгую Старицу приедем, было бы чем костёр разжечь. Так настоящие рыбаки делают.

Надрали бересты — снималась она легко и сразу свертывалась трубочками. Стал берёзкин ствол скучным, бурым. Точно с берёзки рубашку сняли, и вот стоит она теперь и зябнет, зябнет.

Потом решили на сосновой коре свои фамилии вырезать и число, когда на ловлю отправлялись. Пришлось Генке и Павлику сбегать к лодке за своими ножами. И скоро на сосновом стволе появились крупные буквы с выкрутасами.

После этого подожгли смолку на ёлочке. Пламя затрещало, обняло весь ствол, взметнулось высоко и сникло. Смолка выгорела, а кора ёлочки стала чёрной-чёрной, и пахло теперь противным дымом и горелой хвоей.

— Вы чем это занимаетесь?

Ребята испуганно оглянулись на окрик. Перед ними стоял дядя Василий Иванович с удилицами и веслами на плече, в высоких сапогах.

— Вы чего тут пакостничаете? Разве я вас для этого с собой взять хотел? Зачем вы деревца загубили? Какой теперь у них рост будет? Эх, вы!

Он молча спустился к лодке и стал выкидывать из неё ребячьи удочки, сумки и банки с червями. А потом щёлкнул ключом, загремел цепью и оттолкнулся от берега.

— Мне вы не товарищи! Поняли почему? Нет? Потому что без нужды, из озорства лес губите. Вот когда поймёте, тогда и возьму вас с собой на Долгую Старицу! Идите домой!

И его лодочка исчезла за речным поворотом...

Н. ЛОГИНОВ

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

1

Иванко крался в Подлесье густым кустарником. Это место называлось Глушицей — очень уж заросло ивняком да ягодниками — малиной и смородиной. Ему не терпелось поскорее увидеть родную деревню, хоть одним глазком взглянуть на свой дом, на школу — ведь чуть не целый год не был он тут!

Иванко и его мать Настасья Павловна жили в лесу километров за двенадцать. Там был настоящий посёлок, только без домов, из одних землянок. Назывался он так же, как до войны их колхоз, — «Первомай». Был и председатель — дед Никита Иванович: прежний, дядя Василий, ушел на фронт.

Фашисты не заглядывали сюда — потруживали партизан, хотя партизаны у первомайцев бывали редко. В последний раз приходили на прошлой неделе. Среди них бы-

ли и подлесские — комсомолец Гриша Воронов и Фёдор Сизов. Побыли они недолго, а всем стало веселей. Партизаны рассказали, что советские войска на Калининском фронте здорово наступают, не за горами день, когда они освободят и Подлесье.

По такому случаю первомайцы надумали снарядить в деревню свою разведку, чтобы разузнать, есть ли там гитлеровцы, целы ли дома. Долго гадали, кого послать на это непростое дело. Одни предлагали отправить старика поосмотрительней, похитрей, другие говорили, что безопасней будет — женщину. Никита Иванович не согласился ни с теми, ни с другими.

— Для первоначалу, — сказал он, — толковей будет командировать парнишку.

Стали перебирать ребят. Остановились на Иванке: он и бойкий, и не рослый, но крепкий. Иванке, конечно, приятно было от такого разговора о нём взрослых, только не верилось, что удастся побывать в Подлесье. Он много раз просился туда у матери, чтобы кое-что принести из дому, а она и слышать об этом не хотела.

Нынче всё вышло по-другому. Когда Настасью Павловну спросили, согласна ли отпустить Иванка провести деревню, она ответила:

— Пускай уж идёт. Общее ведь дело-то.

Да разве могла она поступить иначе? Скоро перебраться в родные места — надо же знать народу, что там творится.

Иванко всё разузнает. Он неглупый — проведёт фашистов, как дважды два. Да и не боится он их. Нисколечко. Вот попадись сейчас фашист — он даже не свернёт.

Вдруг недалеко в кустах послышался треск сухого хвороста под чьими-то ногами. Иванко замер на месте. Кто-то шёл прямо на него. У Иванки на лбу выступили росинки холодного пота. Он спрятался за смородинник. Впереди мелькнуло что-то синее. Вот оно снова показалось и скрылось. «Наверно, платье. Это кто-нибудь наш, — старался прибодрить себя Иванко. — Да что я — трус, что ли?» — укорил он себя и осторожно, в обход, направился

к ягоднику, за которым скрылось платье. Когда подошёл близко, увидел девочку с корзинкой.

— Свои? — тихо спросил Иванко.

— Ой! — вскрикнула девочка и выронила из рук корзинку. По земле рассыпались кисти красной смородины.

— Тоня?! — удивился он.

— Иванко, — еле выговорила перепугавшаяся Тоня.

Они собрали ягоды и уселись меж кустов.

— Ну, как вы тут?.. Тяжело?.. Страшно?.. — по-взрослому повел расспросы Иванко.

— Страшно, — шёпотом ответила Тоня.

— А Ёжка где?

Иванко с её братом Серёжей сидел за одной партой в четвёртом классе. Он ничего не знал о своём друге с самого ухода из деревни в лес.

— Дома Ёжка. У него рука болит... Не болит, а руки... нет, — поправились Тоня.

— Как нет?

— А его словили... эти, — она кивком головы показала в сторону деревни, — и заставили рыбу глушить в Чёрном озере. Ёжка упирался, а они автоматом пужать стали. Он что-то не так сделал — и у него руку вот посюдова оторвало. — Тоня одной рукой провела по кисти другой. — Дедушка говорит — заживёт.

— Левую?

— Не-е, правую.

— Эх, Ёжик, Ёжик... Растяпа! Меня убей — не пошел бы! Ишь, гады, нашей рыбки захотели!.. Кинул бы взрывчатку им под ноги, а сам тикал бы к нам в лес...

— А ты из лесу? — несмело спросила Тоня.

— Из лесу.

— Похудел как.

— И ты похудела. И выросла.

— Попробуй, Иванко, моей кислицы.

— Досыта наелся в лесу. Если бы сейчас горячих щей блюдо или каши пшённой на молоке! — Иванко облизнул губы и мечтательно зажмурил глаза.

Тоня догадалась, что он голоден.

— Пойдём к нам, — предложила она. — Мама чем-нибудь покормит.

— Нельзя мне... А ёще какие новости? — помолчав, спросил он Тоню.

Она подняла плечико:

— Не знаю.

— С фашистами-то кто якшается?

Тоня глядела на Иванка и молчала.

— Да ты не бойсь, говори — свой ведь. — Иванко подвинулся к ней.

— Сенька Спирич только. К ним он нанялся в старосты. А с нашими — хуже чужого. Совсем житья не стало... Опять девчат угнали в Германию.

— Катеринка наша тоже там. Тоже угнали. — Взгляд Иванка опечалился.

Иванко ушёл в лес с матерью и сестрой Катей за день до появления в Подлесье фашистов. Катя вместе с Леной Вороновой вышли раз на колхозную полянку в березнике копать картошку. В лес к своим они так и не вернулись. Потом дошла вестъ — гитлеровцы отправили их в одной партии с другими в Германию, в неволю.

— Может, и не видаться больше, — задумчиво произнёс Иванко.

— Может, — согласилась Тоня. — От Маньки дядиной письмо пришло из германского города. Она там на заводе работает. Тяжело-тяжело, говорит. Всё, говорит, плачу, каждую ночь во сне дом вижу. Пешком бы, говорит, до самого Подлесья дошла, только бы вырваться... Она вместе с Шуркой Кротовой...

— А про Катеринку не пишет? — не дал договорить ей Иванко.

— Не...

— Значит, в разных городах. А может, и не жива Катеринка-то? Может, замучили.

На большаке, казалось, вот тут, за кустами, затарахтели мотоциклы.

Тоня зябко прижалась к Иванке.

— Чего ты боишься их? Трусиха! — стараясь не вы-

дать своего страха, успокаивал её Иванко. — А наши тут все живы? — спросил он, когда мотоциклы умчались.

— Марфу Зимогорову фашисты застрелили. Они стали забирать у неё корову, а Марфа не отдавала... И у нас корову тоже взяли. Грабят всё, что увидят хорошее.

— Вот придет Красная Армия — она задаст им! Всё припомнит! — погрозил кулаком Иванко.

— А она придёт?

— Ещё бы! Не веришь, что ли?

— Не знаю.

— Эх, ты! Да русские — они, знаешь... Они всех сильней! Всё равно наша возьмет!..

— Тише, Иванко, — попросила Тоня.

Он разошёлся и говорил в полный голос.

— Пойду. Надо ещё всё разведать, — серьёзно сказал он. — Никому не говори про меня. Только если Ёжке. Тихонько, смотри, а то — сама знаешь.. Ну их, ягоды-то, иди лучше домой.

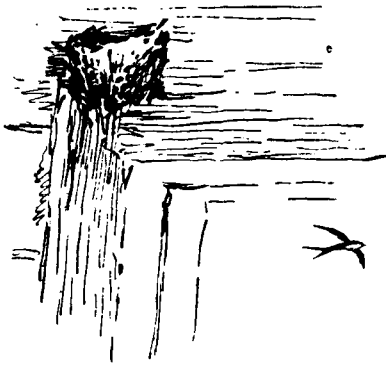
— Скоро пойду.

Иванко встал, осмотрелся и направился в Подлесье.

2

Всё шло удачно, без происшествий. Иванко всюду вылазил, всё высмотрел. Нерадостные вести принесёт он в лес соседям. Фашисты у оврага строят дзоты и блиндажи. С крыш многих домов они сняли тёс, а дома поновой совсем разломали. Колхозные фермы сожжены. Не стало и школы — одни обгорелые печки да трубы торчат. Подлесского народу в деревне мало, все ходят ровно тени.

Сейчас Иванко крался задворьем к своему дому, не оглядываясь, чтобы не было подозрения. Здесь до войны — он помнит — высаживалась голуболистая капуста. Ещё заметны борозды. Вон там были грядки с огурцами. На их жёлтых цветах всё лето звенели пчёлы. Чуть подалее, около того вон плетня, сеяли морковь-коротель. Много всего росло в колхозе. А теперь тут — одни лопухи да противная крапива.

Дошёл до дому — и не узнал его. Вместо крыши торчали стропила, в окнах не было не только стекол, но и рам. А рябина?.. Что они наделали, дьяволы! Срубили его любимую рябину. Один пенёк... Помешала?..

Будто во сне, ступил Иванко на лестницу, поднялся в сени. Дверь в избу распахнута настежь. Перешагнул высокий порог. Увидел всё враз: и опрокинутую мину прялку, и вывернутый мешочек с разноцветными Катинными лоскутками, и переломленную мутовку с засохшим тестом, и черепки разбитого цветочного горшка, и раскиданные по полу, затоптанные листки своих школьных тетрадок... Родное всё, а точно незнакомое...

Иванко опустился на порог, подпёр ладошками голову, пригорюнился. В этот миг через окно, словно для того, чтобы развеять Иванково горе, вспорхнула ласточка. Он вздрогнул от неожиданности. Ласточка, сделав круг, через то же окно выпорхнула на улицу. Только сейчас Иванко заметил — в избе над самым окошком чудесно слеplено ласточкой гнёздышко.

— Какая догадливая! — похвалил он её.

До войны каждую весну ласточки прилетали жить под крышу избы Настасьи Павловны. А теперь крыши нет, и они нашли новое местечко.

Иванко забыл, где он находится, вскочил с порога, хотел подбежать к гнезду, разглядеть хорошенько, дотрогнуться до него, но тотчас вспомнил про опасность: под окнами была дорога, и его могли заметить.

Обратно на порог он не сел. Опустился на колени и стал собирать с пола тетрадные листки. Вспомнились весёлые школьные товарищи. Ещё — Вера Антоновна, строгая, но такая милая учительница. Где она нынче, жива ли? Иванко перед самой войной окончил четвёртый класс. Вера Антоновна уехала тогда в отпуск к родным в

Калинин. А тут началась война... Вспомнил, как мать, покидая дом, прижала к себе Иванка и непривычно, нежно сказала:

— Будем уж вместе. И умирать — так обоим.

Мама... Она сейчас волнуется, наверно. У неё ж такие были сегодня печальные глаза, когда она, проводив по тропке до старой лесной дороги, поцеловала его вихрастые волосы, прошептала:

— Беги... Да поосторожней, сынок...

Легко ли ей было отправлять Иванка! Ему вдруг стало страшновато за мать. Он прижал к груди собранные листки и спрятался за печку: пускай фашисты даже в окна заглядывают — его всё равно не увидят.

Он занялся рассматриванием листков. Вот на синенькой обложке тетрадки его, Иванковой, рукой, как ему показалось сейчас, красиво-красиво выведено: «По письму ученика 4 «А» класса Ивана Дубкова».

«Уже в шестой перешёл бы, а потом — в седьмой, — тоскливо подумал он. — Когда же снова-то в школу? Ещё будет ли школа-то?» Не заметил, как слезинка скатилась по щеке на обложку и расплылась темно-синей кляксой. Семилетку, в которой учился Иванко, заняло какое-то гитлеровское начальство. Оттого ли, что жарко натопили, или ещё отчего, прошлой зимой школа сгорела.

3

На улице под самыми окнами кто-то, тяжело ступая, прошёл к крыльцу. На миг всё стихло. Потом скрипнули ступени. «Фашист!» — догадался Иванко и шмыгнул по приступкам на печь. Он не помнил, чтобы раньше хоть один день пропустили — не истопили печь. Мать пекла хлеб — подовый, вкусный, варила щи или ещё что. И сейчас странной показалась ему холодноватая шероховатость печи.

Шаги уже по эту сторону порога: шлёп-шлёп... Иванко застыл — не шелохнется. Только сердце стучало сильно и часто. Захрустели под подошвами черепки.

Иванко вспомнил, что в дощатой переборке, скрывавшей печь от посторонних взглядов, есть дырка на месте выпавшего сучка. Тихонько придвинулся, припал одним глазом. Показалась зеленовато-грязная узкая спина. К боку прижат автомат. Конечно же, это фашист. Чего ему надо? Ищет трофеи? Где ж тут трофеи, когда до него такими же грабителями всё перевернуто вверх дном?

Солдат переложил автомат из правой руки в левую, нагнулся, поднял что-то, долго разглядывал. Иванко наблюдал, не отрываясь от переборки. Гитлеровец словно почувствовал на себе его взгляд — обернулся. Иванко увидел мутные глаза, отпрянул от перегородки. Фашист, должно быть, шагнул вперёд — шлёп-шлёп. Точно. Зеленовато-грязный рукав потянулся вверх. Иванко в свое маленькое окошечко не видел ласточкина гнезда, но по движению лапы гитлеровца понял, что тот взял яичко. Вот он стукнул им о стенку, зло буркнул что-то себе под нос, отряхнул руку.

«А ласточка на меня подумает!» — От этой мысли Иванке вдруг стало жарко. Он задрожал весь, не утерпел — шёпотом выдохнул:

— Н-не трожь!

Солдат вскинул автомат, снова насторожился. Теперь Иванко и не думал отрывать взгляд от переборки. Если б видел фашист, сколько было ненависти к нему в этом детском взгляде! Нет, он не видел Иванкиного взгляда, не слышал, как неистово стучит его сердечко. Он уже доставал другое яичко. Кокнул его об оконный косяк и закинул назад голову...

Иванко не мог больше глядеть. Ему было очень жаль ласточку. Он уткнулся лицом в ладони и беззвучно заплакал.

Фашист повозился ещё с минуту и вышел.

Вдруг кто-то легонько чиркнул по стене, по переборке. Иванко приподнялся, припал к своему оконцу. Ласточка!.. Бедняжка, разорили твоё гнездышко... Ты видела, кто тебя обидел?.. Он вышел — и ты влетела?.. Ты знаешь?.. Ты всё знаешь?..

Поговорить бы с нею на её птичьём языке, объяснить бы ей.

Опять всё затихло. Улетела ласточка. Она уж больше не заглянет сюда. Она устроит своё жильё в другом, надёжном месте. Туда никто не дотянется. А после, когда над домом снова будет крыша, она вернётся, непременно вернётся, слепит себе гнёздышко там, где всегда жила с весны до осени.

До свидания, милая касаточка!..

4

Опасность миновала, и Иванко слез с печки.

Прежде всего надо посмотреть на разорённое гнёздышко. Пригнувшись, добрался до того места, где стоял фашист. На полу валялись нежные зеленоватые скорлупки от разбитых яичек. Иванко стал напротив простенка и сбоку дотянулся рукой до гнезда. Мягкий пушок лежал на его дне. Яичек больше не было.

На улице кто-то кашлянул. Иванко поглядел из-за косяка. В сгорбившемся седом старике, опиравшемся на батог, он еле узнал Тониного дедушку. Год назад, до прихода гитлеровских захватчиков, он был таким бодрым! А теперь — с палкой. Сам виноват: заупрямился, не захотел уйти в лес, не отпустил и сноху с Серёжкой и Тоней.

— Подумаешь, фашисты! — ворчал он тогда. — Что они могут сделать с нами? Мы же здесь только старики да мелюзга...

Иванко проводил его взглядом за поворот, но ни догнать, ни крикнуть не посмел.

Он уже собрался было уходить, как у порога, между половицей и плинтусом, заметил что-то красневшее. Вгляделся — карандаш. Выковырнул, обтёр от пыли. Проглянула серебристая надпись: «Пионер». Давно не слышал Иванко этого звонкого слова. Горячим шёпотом повторил:

— Пионер!..

Он в школе был звеньевым. И, кажется, больше всего на свете любил отрядные сборы, пионерские походы, ко-

стры, любил всю, такую увлекательную, пионерскую работу.

Карандаш был коротенький, но хорошо очиненный. Иванко подумал: «Вот бы написать сейчас Кеше письмо!»

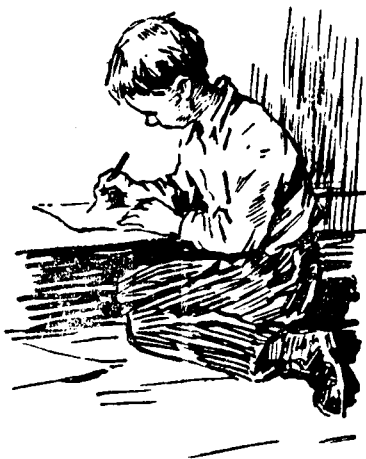
Кеша — брат Иванка. В сороковом году ушёл в армию на действительную службу, стал артиллеристом. В начале войны присылал с фронта письма. Иванко отвечал ему — когда под диктовку матери, когда от себя. Он гордился своим старшим братом. Кеша был секретарём комсомольской организации в колхозе. Его даже пожилые колхозники часто называли по имени-отчеству.

Подумал Иванко о письме Кеше — и сразу же остыл: всё равно не переслать. «А если здесь, в избе, оставить? Скоро Красная Армия будет тут. Он, может, мимо пойдёт... Оставить, — усмехнулся Иванко. — Просто так не положишь, надо спрятать. А как найдёт? — И вдруг обрадовался: — Знаю! Найдёт!»

Он снова забрался за печку, нашел в пачке листков чистый и, примостившись вместо стола на нижнем приступке, сидя на полу, стал сочинять письмо Кеше.

«Дорогой братка!» — Иванко вывел эти слова и задумался. В голове столько было всего, о чём надо бы рассказать Кеше, что, казалось, не хватит ни бумаги, ни времени. И он решил писать только о самом важном.

«Пишу тебе в нашей пустой избе, — продолжал он с новой строчки. — Она теперь совсем не похожая, страшно смотреть: без крыши, без рам, всё затоптано, разграблено фашистами. Даже все наши книги куда-то девались. Мы с мамой живы и здоровы. Ты за нас не бойся, мы выдюжим до самой до победы. А Катеринки с нами нет. Её фашисты угнали в свою проклятую Германию. Мы не знаем, жива ли она. А мама всё плачет».

Иванко чуть не всхлипнул и сам.

«В деревне нашей страшно. — Поставил точку, но потом переделал на запятую и добавил: — как на кладбище. Людей почти не видать, одни фашисты. Песен не слышно, даже человеческого голоса не слышать. Где были скотные фермы, теперь зола да угли — всё спалено. Нет и нашей школы. Только скот с ферм фашистам не достался — его угнали к Ярославлю Михайло Воронов и Фёкла Васильевна с ребятами».

Иванко знал наперечёт всех, кто ушёл со стадом в тыл, и мог перебрать их имена, но подумал, что это не так уж интересно Кеше, да и места на листке оставалось немного, и он стал описывать то, что больше всего взволновало его сегодня:

«Ты уже видел в избе ласточкино гнездо. Его сейчас разорил фашист. Вот так они, проклятые, и наш дом разорили, и другие вон дома, целые деревни, большие и красивые города СССР. А Ёжку Кротова силком заставили рыбу в нашем озере толком глушить. И ему оторвало руку».

За окном затрещали мотоциклы. Иванко пригнулся к полу, затаил дыхание. А когда они промчались и где-то в конце деревни утихли, он продолжал писать:

«Ничего, скоро им капут! Ты, Кеша, глуши их самыми страшными снарядами, не давай им ни сна, ни отдыха. А ласточка, наверно, из тех самых, которые всегда жили под нашей крышей. Помнишь? Она ещё вернётся к нам потом, когда фашистов прогонит Красная Армия. И все мы тогда вернемся. Правда?»

Подумал немного, написал:

«Мне бы ласточкины крылья! Прилетел бы я к тебе на фронт. Снаряды стал бы подносить, помогать во всём».

Листок закончился. Иванко на кромке сбоку приписал: «Поклон от мамы и всех наших колхозников». А рядом — «Твой брат Иванко».

Посмотрел на письмо, на неровные строчки, подумал: «Вера Антоновна двойку поставила бы. Столько времени карандаш не держал в руке — и то хорошо, что совсем не разучился».

Согнул листок восьмеро, завернул в синюю обложку тетрадки и наискосок написал: «Получить Иннокентию Петровичу Дубкову». Добрался со всеми предосторожностями к ласточкину гнезду и положил письмо на самое доньшко.

Иванко уже представлял, как с пушкой поедет Кеша дорогой через Подлесье, мимо дома, как забежит на минутку в избу, оглядит кругом, увидит ласточкино гнездо над окошком и как рукой потрогает, нет ли в нём яичек или птенчиков. А там — бумажка. Глянет — Иванково письмо. Вот удивится! Вот обрадеет!..

Иванке очень хорошо стало от этих дум. Если б можно было закружиться, засвистеть весёлую песню, выскочить на улицу, крикнуть ребятам, как бывало: «Айда купаться!» Если б можно...

Но — ничего, не горюй, Иванко! Скоро все хорошее вернётся. Тебе ведь только двенадцать лет. У тебя ж вся жизнь впереди!

5

В лес к своим Иванко направился тем же путем, что шёл в деревню. Уже миновал огороды. Вон и Быстрица, в которой без счёту раз купался с ребятами. Осталось проскочить мост, а там — берёзы да ельник, там — тропка. Она-то уж выведет куда надо.

Но — что это? Кони?

Предзакатное солнце мешало Иванке хорошенько разглядеть, что за кони пришли на водопой. Он щурился, глядел из-под ладошки и только после этого увидел, что кони не одни — кто-то загонял их вглубь. Иванко спрятался под мост — оттуда наблюдать было безопасней.

— Фашист! — понял он, когда кони забрели в реку и припали к воде, а тот, кто понукал их, остался на виду.

Среди лошадей Иванко узнал колхозного Грача. Он очень приметный — пегий, вороное с белым. На Граче Иванко возил навоз в поле, копны на пожне и даже ездил как-то с Кешей в город. Послушный, умный конь. Когда

скот угоняли от гитлеровцев, Грача пришлось оставить в колхозе: он сильно хромал на переднюю ногу. «А чьи же те две? — старался догадаться Иванко, разглядывая гнедого и рыжего. — Наверно, из Комарихи».

Лошади напились и, разбрызгивая ногами воду, выбрались на берег. Гитлеровец распутал повод узды на Граче и повёл его. Рыжий и гнедой понуро поплелись следом. «Не хромает», — заметил Иванко.

Когда гитлеровец и лошади поравнялись с мостом, Иванко выглянул, чтобы посмотреть на Грача вблизи. Хотя фашист шёл, сонно глядя себе под ноги, но заметил его, схватился за автомат, заорал, как ошалелый. Иванко вылез из-под моста, согнулся, приложив руку к животу — болит, мол, очень.

Гитлеровец захохотал:

— А, много кушайт? Понималь, понималь...

Иванко раскрыл рот от неожиданности: это был тот самый солдат, что разорил ласточкино гнездо. Перевёл взгляд на Грача, жалостливо подумал: «Достался гадине, мучается бедненький в неволе». Грач, кажется, тоже признал Иванка. Заупрямился, не пошёл за гитлеровцем. Сколько ни дергал солдат за повод, конь лишь задирает голову, но с места не двигался. Фашист размахнулся и ударил его кулаком в морду. Грач брыкнулся и нехотя шагнул вперёд.

Иванко затрясся от негодования. Он чуть не кинулся на гитлеровца. Трудно понять, какая сила только удержала его.

«И тут ты, гадина!.. Нашего, колхозного?.. Да как ты смеешь!» — самые гневные слова готовы были сорваться с языка.

— Ну, погоди! — погрозил Иванко в спину удалявшемуся фашисту и напрямки огородами побежал в деревню. Забрался там в палисадник около соседского пустого дома и стал поджидать. Вот гитлеровец с лошадьми показался на колхозной улице. Прошёл мимо. Иванко украдкой последовал за ним. Тот свернул к Спиричу и одну за другой ввёл лошадей в скотный двор. Потом постоял, прику-

рил от зажигалки и лениво поднялся на крыльцо. Иванко, притаившись за плетнём, обдумывал план своих действий. Как только фашист скрылся, он мигом перемахнул через плетень, подставил к стенке двора шаткую лестницу и взобрался на сеновал.

Столько было за день переживаний, что он, попав на сеновал, сразу успокоился и уже ничто не было страшно ему, боялся лишь заснуть. А сон мог погубить всё. Иванко решил во что бы то ни стало увести Грача. Он прилёг на прошлогоднее сено и стал дожидаться темноты. Ночь долго не наступала — так ему казалось. По-всякому старался отогнать от себя сон: то прислушивался, как внизу, во дворе, кони пофыркивают, переступают с ноги на ногу, звенят удилами, — это напоминало ему те хорошие дни, когда он вперегонки с ребятами ездил за копнами на сенокосе; то уносился думами в лес, к матери и соседям-колхозникам, в тревоге ожидавшим его возвращения, — и он видел себя подъезжающим к ним на Граче; то вспоминал, как фашист разорил ласточкино гнездо, как ударил Грача, — и ненависть ещё пуще вскипала в его сердце.

Раз услышал чьи-то шаги на улице, стук в дверь Спирича, короткий неясный разговор и снова шаги...

Когда стемнело, где-то далеко прооручал гром. Потом скоро приблизился. От вспышки молнии порой даже на сеновале становилось светло. Гром был то раскатистым и грозным, то резким, трескучим. Пошёл дождь. Иванко никогда в жизни так не радовался непогоде, как нынче.

Пора!..

Через дыру, в которую задается корм скоту, Иванко спустился в ясли. Кони насторожились. Нащупал Грача, потрепал по гриве, тихо приговаривая:

— Грачушка ты... Узнал, небось?! Сейчас махнём с тобой к своим. Хочешь на волю-то?.. Хочешь!.. Молчи только, молчи...

Пока отвязывал повод, пегий игриво хватал его пухлыми губами за рукав рубашки, за плечо. Иванко, как когда-то его брат Кеша, останавливал коня:

— Не балуй, Грач!

Закинул повод за гриву и подвел Грача к двери. Отвязал и остальных лошадей. Снова вскарабкался на сеновал, а оттуда спустился на землю, открыл дверь, взял Грача под уздцы и вывел из скотного двора. Гнедой и рыжий, не ожидая понуканий, также вышли на волю. Который-то запнулся за порог. Иванко струхнул: «А вдруг слышали у Спирича?» Он торопливо распахнул калитку в огород, вскочил на Грача и рысью пустил его по меже к реке. Гнедой и рыжий, словно понимая, куда ведёт их Иванко, ни на шаг не отставали от Грача.

Дождь — так это было кстати — перешел в настоящий ливень. Крупные и частые капли гулко барабанили по лопухам. В такое ненастье гитлеровец вряд ли пойдёт проведать лошадей, да и следы будут смыты. А Иванке только бы доскакать до знакомого брода через Быстрицу — к мосту он не решался ехать, — перебраться бы на ту сторону, а там — поминай, как звали!.. Уже волосы на голове были мокрые, струйки холодной воды текли по лицу, по спине, а он и не замечал ничего. То ли от быстрой рыси Грача, то ли от сознания совершённого поступка какая-то небывалая удаля завладела всем им.

Кажется, всё обошлось удачно. Кони, переходя реку, припадали губами к воде, жадно пили на ходу, почти не замедляя шаг.

В полной безопасности Иванко почувствовал себя, когда въехал в лес. Он потрепал Грача по мокрой шее и вслух сказал:

— Такого-то коня я оставил бы гадинам?! Да им надо бы ещё гранату в окошко. Знали бы наших! Верно, Грачушка?.. Не трусь, теперь мы — дома...

Дождь стихал. Небо светлело.

6

Бои прошли стороной. Фашистские захватчики устали от окружения и бежали в суматошной спешке, даже не успели зажечь Подлесье, как делали они обычно при отступлении.

В лесном посёлке узнали об этом от партизан. Сразу потянулись все в родную деревню.

Трудно было измерить горькие переживания матери Иванка Настасьи Павловны, когда она увидела своё разорённое жильё. Стояла посреди избы и не могла двинуться с места, вымолвить слова. Горючие слёзы текли по ее обветренным впалым щекам.

— Наладим все, мама. Заведем снова, — успокаивал её Иванко. — А вон, мама, то ласточкино гнездо! — Он увидел гнездо и обрадовался, что сможет развлечь мать. — Помнишь, я положил в него письмо Кеше?..

Тогда, вернувшись в лес из своей разведки с увиденными от фашистов лошадьми, он рассказал матери про ласточкино гнездо и про своё письмо. Настасья Павловна только посмеялась:

— Глупенький мой! Тысячи дорог — разве угодит в Подлесье Кеша?

Иванко нисколечко не удивился сейчас, найдя в гнезде свой нетронутый синий пакетик. Развернул его и увидел, что вместе с письмом лежит ещё чья-то записочка.

— Мама, смотри-ка! — крикнул он от радости. — Тут другое письмо!

Иванко показал матери находку. Настасья Павловна глядела на крупные, синим карандашом написанные слова и ничего не могла разобрать: все они сливались в одно сплошное пятно.

— Читай скорее-то, что ли, — спохватилась она.

— «Добрый день, славный парнишка! — каким-то не своим, торжественным голосом начал читать Иванко. — Прости, что я узнал твою маленькую тайну. Хотя мы и не знакомы и письмо не мне писано, но твои слова, Иванко, задели меня за живое. У меня тоже есть братишка вроде тебя...».

— Да кто ж это? — не вытерпела Настасья Павловна.

Иванко не ответил, перевел дух и продолжал читать:

— «...Только ему не пришлось видеть проклятых фашистов и пережить столько, сколько ты пережил со своей матерью. Ты не тужи. Фашистов мы скоро прогоним с

Советской земли и добьем в их логове. Соберётся вся ваша семья вместе, и будете вы жить опять счастливо. Так и скажи своей маме. До свидания. Тороплюсь вперёд, на запад. Сержант Леонид Егоров».

Иванко поглядел на мать и виновато произнес:

— А я думал... Кешкино.

Да ведь и ей сразу-то почудилось, что Кешино.

«Кто же этот Леонид? — думала Настасья Павловна, придя в себя. — Чужой, посторонний, а тоску нашу принял к своему сердцу, откликнулся... Торопится вперёд, родимый».

— Вот разобьём, мама, фашистов — и Кеша вернётся, — перебил её думы Иванко. Уж очень хотелось ему утешить мать.

7

Всей семье Дубковых судьба так и не привела собраться.

Кеша демобилизовался из армии вскоре после войны. Был ранен в ногу, долго прихрамывал. В «Первомае» колхозники доверили ему руководить полеводческой бригадой. А Катя домой не вернулась: затерялась, сгинула в плену, на чужбине, неведомо где и как. Много слёз выплакано по ней матерью. Хоть бы одно-единственное письмецо получить, узнать бы — жива ли. Да разве будешь живой у этих извергов? Загубили девчонку...

Ну, а Иванко — тот шагает по жизни смело. Старшему брату за ним трудновато угнаться. Куда там!.. Тогда, после освобождения советскими войсками Подлесья, недолго пробыл Иванко дома. Помог матери привести в порядок избу и ушел со стрелковым полком на фронт. Там он отличился. Побывал в разведке в тылу врага, показал себя находчивым и храбрым. Командир дивизии наградил медалью «За отвагу». Кончилась война — Иванко стал суворовцем, потом пошёл в военное училище, получил звание лейтенанта-артиллериста. Не раз приезжал на побывку. И нынче гостит дома.

Настасья Павловна смотрит на сыновей — и не знает,

смеяться ли, плакать ли от радости. Ведь одна вспоила-вскормила. Муж, Петр, простудился и умер, когда младшему не было и года. Немало горюшка перетерпела. А в войну... Уж трудно сказать — верила ли, что когда-нибудь увидит их, родных. А сейчас вот рядышком — один лучше другого.

Взгляд матери дольше останавливается на меньшом. Статный, в новеньком мундире, золотые погоны на плечах, комсомольский значок, медали на груди — таким-то не любоваться матери! Что мать, весь колхоз перебивал в доме Настасьи Павловны.

Идет семейная беседа.

— Та-ак. Значит, батареей командуешь? — спрашивает старший брат младшего.

— Командую, — отвечает тот и улыбается.

— Эдак, пожалуй, старшине Иннокентию Дубкову, случись заваруха, ещё по стойке «смирно» придётся стоять перед родным братом?

— А ты что, — спрашивает Иван, — к своей пушке никак собираешься?

— Нет, зачем, — отвечает Иннокентий, — мне и в колхозе дел не переделывать. Вон какие задачи нам заданы...

Погодя Иванко подходит к окну и, ни к кому не обращаясь, тихо говорит:

— Ласточки снова к нам прилетели...

— Не забывают свой дом, как и мы, — так же тихо добавляет Кеша.

И они оба невольно вспоминают свою весёлую сестру Катеринку, но вслух ничего не говорят, чтобы не бередить сердце матери. А Катя и так не выходит из ума Настасьи Павловны. И сейчас мать видно сердцем поняла их думы — непрошенная слезинка скатилась по её изрезанной тонкими морщинами щеке. Иванко догадался, чем затуманилась радость матери. Он припомнил, как отвлек когда-то мать от горьких дум ласточкиным гнездом. Оно и теперь ещё целёхонько в избе над окном, на уровне Иванковой головы. Темно-серое гнёздышко хорошо выделяется на фоне светлых с золотистым отливом обоев.

Иванко подходит к окну, дотрагивается шершавой кромки гнезда и задумчиво произносит:

— Мой почтовый ящик.

Ему ясно-ясно представляется всё, что он пережил тогда, в летний день сорок третьего года: как следил за гитлеровцем с печки, как сочинял в пустой избе письмо Кеше, как ночью угнал от фашистов лошадей, за которых сотню спасибо сказал председатель «Первомая» Никита Иванович.

Иванко обёртывается к матери:

— Мама, а ведь хорошо, что мы не разрушили это гнездышко? Пускай оно так и остаётся на память, пока изба цела.

Настасья Павловна подходит к сыну и молча обнимает его.

В открытое окно из ласточкина гнезда под крышей доносится несмелый писк птенцов.

Иванко весь сияет:

— Слышите? Уже голос подают!..

И вот они втроем — старая мать и её сыновья — дружным табунком выглядывают в окно и долго слушают в вечерних сумерках маленьких птах, ещё не успевших познать в своей короткой жизни ни забот, ни тревог, ни горя.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Цимляков.</i> На лыжне	3
<i>С. Орлов.</i> Плотогон	6
<i>С. Орлов.</i> Тыква.	7
<i>В. Цимляков.</i> «Общество смелых»	—
<i>В. Дементьев.</i> Полдень. Лодки смолят.	16
<i>Д. Мазрухо.</i> «Последушка».	17
<i>С. Викулов.</i> Случай на реке	20
<i>Ник. Задумкин.</i> Весной	25
<i>А. Петухов.</i> На Маслозере.	34
<i>С. Викулов.</i> До свиданья, лагерь!	64
<i>Н. Кузнецов.</i> В школу	65
<i>Н. Кузнецов.</i> Ёлочка	66
<i>В. Гарновский.</i> Гармонь	67
<i>В. Гарновский.</i> Рукав и ворот	74
<i>В. Гарновский.</i> Три дерева стояли	79
<i>Н. Логинов.</i> Ласточкино гнездо.	83

КОГДА НЕ СИДИТСЯ ДОМА

Для детей школьного возраста

★

Редактор *С. В. Викулов*

ГЕ03873. Подписано к печати 31. 10. 58 г.
Формат бумаги 70 × 92¹/₁₆. Бум. л. 3,25. Печ. л. 7,6. Уч.-изд. л. 5,2.
Тираж 30000. Цена 2 р. 50 к. Заказ 7485.

Областная типография, г. Вологда, ул. К. Маркса, 70.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ваши отзывы о книге направляйте по адресу:

**г. Вологда, ул. Чернышевского, 17,
Вологодское книжное издательство.**

